

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПРИГРАНИЧЬЕ

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ЛЕД

Приграничье

Павел Корнев

Лед

«Автор»

2006

Корнев П. Н.

Лед / П. Н. Корнев — «Автор», 2006 — (Приграничье)

Приграничье – место, уже не принадлежащее нашему миру, но еще не ставшее частью другого. Здесь круглый год царит холод, а в волчьих стаях верховодят оборотни. В этом не самом дружелюбном месте большинство проблем разрешается при помощи свинца и колдовства и даже для того, чтобы просто остаться в живых, приходится прилагать постоянные усилия. А уж когда на тебя объявлена охота...

© Корнев П. Н., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	31
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Павел Корнев

Лед

Часть первая

Форт

*Этот мир не ждет гостей,
И детей своих не крестит
А. и Э. Шклярские*

Глава 1

Призрачные серые тени бесшумно скользили по заснеженному полю. В темноте зимней ночи они были практически неразличимы. Начнись небольшая поземка, и даже самый остроглазый и бдительный наблюдатель, как бы ни вглядывался во тьму, ничего не заметит. Но сейчас ветер стих, и когда между рваными краями тяжелых, будто свинцовых, облаков проглядывала идущая на убыль, но еще достаточно яркая луна, становилось ясно, что это не призраки, а создания из плоти и крови. Волки.

Наверное, и бесшумными они были только для меня. Не слышал я ни скрипа наста под лапами, ни тяжелого дыхания, вырывавшегося вместе с паром из раскрытых пастей. Слишком велико до них расстояние, да и ушанка завязана на совесть. Стараясь не делать резких движений, я вытащил руку из меховушки и начал аккуратно пристраивать двустволку на сугробе, надутым ветром у самой опушки леса. Волки бежали не прямо к моему укрытию, но расстояние между нами неуклонно сокращалось. Ну же, еще немного. Кисть, защищенная от тридцатиградусного мороза только тонкой нитяной перчаткой, начала понемногу утрачивать чувствительность. Через пару минут у меня не получится даже нажать на курок. Полчаса в сугробе, казалось, высосали все тепло моего тела. Единственное, чего действительно хотелось, – это очутиться под жарким солнцем где-нибудь на берегу теплого моря. И лежать, просто лежать, впитывая солнечный свет. Впрочем, я бы согласился и на сто граммов водки в кабаке, желательно в каком-нибудь теплом углу.

Но что реальности до моих желаний? Пустые мечты. И все же они отвлекают от мыслей о том, что ветер может подуть в спину и звери учуют мой запах. Тогда мечты о теплом море навсегда останутся мечтами. Руки тем временем сами наводили ружье на последнего из трех волков. Когда цепочка зверей почти достигла опушки леса, я плавно спустил курок. Пуля попала хищнику в бок. Его откинуло в сторону, где он и остался лежать, судорожно взбивая лапами снег. Зато два других резко, словно распрямившиеся пружины, метнулись к лесу. Навстречу им ударила автоматная очередь, взметнувшая снег перед мордой первого из зверей. Он на мгновение замер, и этого оказалось достаточно: сверкнув в лунном свете, в него вонзился арбалетный болт. Волк закрутился по снегу, пытаясь дотянуться зубами до торчащего под лопаткой болта. А вот последний из тройки времени терять не стал. Он ни на миг не прервал стремительный бег, и теперь от леса его отделяла только пара прыжков. Привстав на одно колено, я вскинул ружье и выстрелил ему вдогонку, но в этом уже не было необходимости: Макс выпустил остаток обоймы практически в упор. Зверь закувыркался и замер около деревьев.

Да, такого от Макса я не ожидал. С виду парень нормальный, но целую обойму на одного волка – это чересчур. Интересно, кто доверил этому идиоту автомат? А и ладно, шут с ним, теперь бы перезарядить ружье, что вконец онемевшими пальцами сделать достаточно сложно,

и можно немного расслабиться. Жутко хотелось вскочить на ноги и пробежаться, чтобы хоть немного согреться, но я продолжал лежать, до рези в глазах всматриваясь в полумрак ночи. Никого. Странно, из облавы, в которую угодила стая, ушло четыре волка. Где еще один? Конечно, четвертый мог оказаться подранком и околеть по дороге, но лучше немного пере-страховаться, чем провести остаток жизни, безуспешно пытаясь остановить поток крови из разорванного горла. Нет, точно никого больше нет. Вон и Макс выскочил из своего сугроба и на бегу пытается перезарядить автомат. Совсем околел, видать, бедняга. Или не терпится уши у серых отхватить. А чего торопиться? Лишний раз поторопишься – глядишь, и твои уши уже кто-то кромсает. Но медлить тоже резона нет. Тем более что Лысый тоже появился. Ну, этот битый – болт на арбалет заранее приладил. Интересно, где он такой арбалет достал – на сорокаградусном морозе тетива не лопаается.

Не доходя метров трех до подранка, Лысый достал из-за пояса небольшой топорик и плавным движением метнул в голову волка. Попал, конечно, это он умеет. Хищник последний раз дернулся и затих. Макс поднялся от волка, срезанного автоматной очередью, и с ножом в руке направился ко второму. И чего суетится? Сразу видно, на облаве в первый раз.

– Чего так долго? – повернулся ко мне Лысый, когда я подошел к нему.

– Дак вроде четверо из облавы ушли, вот и смотрел. – Губы от долгого молчания онемели и слова получались глухими и полускомканными, вязаная шапочка, прикрывающая лицо от мороза, нормальному произношению тоже не способствовала, но Лысый меня понял правильно.

– Откуда четыре? Полтора десятка в стае было, дюжину у реки положили. Считать не умеешь? – взвился он и повернулся к Максy. – Макс! Ты долго еще там Диего Следопыта изображать будешь?

– Все уже, все! – Макс выпрямился, взвешивая в руке топорик. – Ух ты, тяжелый. А волков четыре ушло, сам видел.

– Не, ну вы точно считать не умеете. Все, закругляемся, нам еще десять верст до Ключей по сугробам чесать. Наши давно уже в тепле сидят и брагу глушат. – Лысый протянул руку, и Макс отдал ему топорик.

– Тебе виднее. – Я постарался скрыть усмешку: все-таки Лысый в тройке старший, да и по жизни смеяться над ним никому не советую: злопамятный, зараза. Действительно, пора собираться. Из всего отряда, традиционно разбитого на тройки, нам достался самый длинный маршрут.

«А ведь Макс его достал», – подумал я, глядя, как Лысый надевает лыжи. Слишком много резких движений. Но понять его можно: не дело, когда твое оружие чужие лапают. Огнестрельное – еще куда ни шло, но холодное никому доверять нельзя, особенно когда только-только кого-то прирезал. Спугнут удачу, и все – абзац, запросто сам себе пальцы обрежешь. Но что-то он сегодня слишком нервный.

– Чего это он? Не с той ноги встал? – Макс с недоумением уставился на удаляющуюся спину. – И что за Диего?

– Так, есть один тип. – Я скрутил пробку с плоской серебряной фляжки и сделал длинный глоток. Самогон огненной волной прокатился по пищеводу, и сразу же по всему телу стало распространяться живительное тепло. Хоть немного тепла. Я перевел дыхание и протянул фляжку Максy: – На, глотни.

Он хлебнул, закашлялся и начал закручивать колпачок, прицепленный к фляжке на тонкой цепочке.

– Ты точно четырех волков видел? – как бы между прочим поинтересовался я, забирая фляжку обратно.

– Ага, четвертый посветлее остальных был. Я еще подумал: никак белый? – Макс о чем-то задумался. Может, о стоимости шкуры белого волка? – А верста – это сколько?

– С километр будет, – машинально ответил я. Не давал мне покоя этот странный волк. Чую, не к добру все это. – Ну ладно, катись. Я замыкающим пойду.

Белый волк? Не обращая внимания на ползущий по спине холод от дурного предчувствия, а может, просто от забравшегося под фуфайку ветра, я переломил двустволку и заменил один из патронов. Патронов с начинкой из рубленных серебряных монет у меня осталось всего два, и стоили они ох как недешево. Честно говоря, с золотом и то дешевле будет. Но какому идиоту придет в голову стрелять золотом? А серебро многим жизнь спасало. Поэтому и стоит дороже. Ладно, глядишь, обойдется. Может, действительно привиделось пацану? Да нет, я ведь тоже краем глаза четвертого заметил. Только был ли он белым, в темноте не разглядел. Макс у нас недавно, не знает, какие тут белые волки бегают, но Лысый-то о чем думает? Я точно видел у него пару серебряных болтов, а арбалет он зарядил простым. Странно это.

Вновь задул ветер, замела поземка, и я бросился догонять парней. Еще не хватало от них отстать. Ночное ориентирование никогда не было моим сильным местом, мне и днем заблудиться раз плюнуть, особенно если подвыпивши. Догнал я их вовремя: ветер усилился, небо окончательно заволокло тяжелыми тучами, а колючий снег так и норовил забить глаза. Промежутки между нами были метра по два, но даже с такого расстояния зеленый армейский полушубок Лысого почти не был виден. Белый полушубок Макса, несмотря на то, что он шел прямо передо мной, вообще растворялся в снежной мгле. Сократив расстояние, я побежал сбоку и немного позади Макса, ориентируясь на зеленое пятно.

Белый полушубок – вещь, конечно, хорошая, и достать его непросто. Тут варианта в основном два: либо с трупа снять, либо в Форте получить за год службы. Но с трупа он наверняка будет порченный, а на год не всякого хватает. К тому же в последнее время выбить причитающийся тебе полушубок со склада ничуть не проще, чем забрать кость у голодного волкодава: это раньше серки в окрестностях Форта стаями водились, теперь они только в развалинах Туманного и встречаются. Одежда из шкуры серка выходит легкой, очень теплой, еще и на фоне снега в глаза не бросается. А снег и холод здесь у нас почти всегда. Вот бежит сейчас Макс и удивляется, как он такую хорошую вещь задешево отхватил. Я, собственно, свой новенький полушубок ему и впарил. И взял с него всего ничего: три банки тушенки и две сгущенки. Еще столько же в течение месяца отдаст, да с трех следующих жалований по червонцу отстегивать будет. Дело вовсе не в том, что голод меня достает сильнее холода. Действительно, со жратвой напряг, и в Патруле я служу не из-за копеечного жалованья, а из-за того, что кормят неплохо и патроны выдают без задержек. Так вот, все знают: в белых полушубках ходят самые опытные и крутые патрульные. И в любой более-менее серьезной заварушке вырезать первыми стараются именно их. Я уже молчу про запах серка, который не в состоянии вытравить никакая химия. На улице запах незаметен, но за ночь комната прованивает псиной так, словно в ней ночевало дюжины две дворняг. Ну и зачем мне такое счастье? Мне и моя старенькая фуфайка сгодится. Я ж ее под себя подогнал, пластин стальных кое-где нашел, притерся к ней, одним словом. А Макс зеленый, о многом еще не в курсе. Вот и автомат ему тоже кто-то впарил. Даже скорее не автомат, а пистолет-пулемет. Машинка сама по себе, может, и неплохая – какая-то импортная коротышка, я в них плохо разбираюсь. Но не надо быть специалистом-оружейником, чтобы знать, что патроны для этого нестандарта достать очень сложно и еще более дорого. Это тебе не АКМ.

Мысли неторопливо бежали по кругу, так же сами по себе двигались ноги, и только холод не давал задремать. Ледяной порыв ветра окончательно привел меня в чувство. Вот что значит вторые сутки без сна. Да еще холод этот. Даже на бегу согреться не получается. Ненавижу холод. Может, еще выпить? Самогон, настоящий на кедровых орешках, по вкусу коньяку ничем не уступает, только крепче. Не, хватит. Напиться можно будет в Ключах – до них осталось не более половины пути, – а здесь мало ли что случится. Не время расслабляться.

Внезапно я понял, что почти обогнал Макса. Чего это он сбавил ход? А, это Лысый притормозил. Вроде что-то за пазухой ищет. Выпить, небось, хочет. Старший тройки начал разворачиваться, и в этот момент из темноты вылетела серая тень. У Лысого не было ни единого шанса. Он еще падал с порванной глоткой, а белый волк уже прыгнул в нашу сторону. Этот хищник значительно превосходил по размерам других зверей в стае и двигался намного быстрее. Замерев на мгновение, волк выбирал следующую жертву. Ко мне эта тварь ближе, и, кинься она на меня, не успею даже перехватить ружье, тем более отпрыгнуть. Лыжные палки вместе с меховушками упали на снег, я, краем глаза наблюдая, как Макс судорожно дергает автомат, неподвижно замер на месте. Парню уже почти удалось справиться с ремнем, когда волк метнулся в его сторону. В этот же миг я выхватил из ножен на поясе нож и метнул в летящее тело. Не знаю как, но клинок попал точно в цель. Этим броском мог бы гордиться и Лысый. Тяжелое двадцатисантиметровое лезвие с глухим звуком вонзилось меж ребер волка, но его бросок это остановить уже не могло. Макс от удара отлетел метра на полтора и, к моему удивлению, не выронил автомат, а, лежа на снегу, давил на курок. Но то ли патрон перекосило, то ли автомат на предохранителе стоял – выстрелов не было. Волк резкими ломаными движениями начал подниматься со снега. Вообще-то для любого нормального зверя такой груз стали должен был оказаться смертельным, но я уже понял, что к обычным животным это создание отношения не имеет. А поэтому, сорвав с плеча ружье, дуплетом выстрелил ему в голову. Серебра было совершенно не жалко. Выстрел снес почти полголовы зверя, но он еще пару минут пытался встать. Все это время Макс, сидя на снегу и прижимая к себе автомат, с ужасом смотрел на конвульсии обезглавленного тела. Да и сам я был здорово потрясен. Чисто механически перезарядил двустолвку и по привычке огляделся. Никого.

– Это оборотень? – Волк наконец затих, и Максуду удалось выдавить из себя несколько слов.

– Волколак. – Про оборотней я только слышал, а вот волколаков видеть уже приходилось.

– А разница? – Макс встал и начал брезгливо счищать с полушубка, который больше не был белым, обрывки шкуры и кусочки мозгов.

– Оборотень – это человек, который перекидывается волком, а волколак просто животное. – Когда мне самому объясняли разницу, я понял только это. В остальном они были похожи: на них действовала луна, и они были малоуязвимы для всего, кроме серебра. Надо внимательней слушать умных людей, но кто ж знал? И еще у меня было сильное подозрение, что, повстречай мы оборотня, все бы тут и остались.

– А с Лысым что? – опомнился вдруг Макс.

– А что с ним может быть? – Даже отсюда было видно, что Лысому уже ничем не помочь. Шею ему практически перекусили, снег вокруг тела пропитался кровью, пятна которой не могла замести даже поземка. На мгновение в голову забрела мысль, что и я вот так же мог лежать на снегу с порванной глоткой. Прогнать ее оказалось просто – не в первый раз. И не самая худшая смерть. Быстрая, по крайней мере. А вот Макса от мыслей о смерти надо отвлечь, а то еще, чего доброго, раскиснет. – Нет больше Лысого. Так что давай, бери ножик и откромсай волку хвост – от ушей ни фига не осталось.

– Слушай, а у тебя нож что, серебряный? – Макс, похоже, отошел быстрее, чем я ожидал, и уже наклонился над волком, рассматривая торчащую из бока рукоять.

– Обычный нож, железный. – Быстро подойдя к нему, я вытащил нож. К моему удивлению, клинок выскользнул из тела легко, а вот холод рукояти обжег ладонь и метнулся вверх по руке. На мгновение перехватило дыхание. Что-то сильно рукоять остыла. Впрочем, главное, что я опередил Макса, который уже тянул к ней руку. – Нож простой, заряд серебряный.

– А... понятно, – разочарованно протянул Макс, запихивая хвост в мешок, где уже лежали три пары волчьих ушей. – А что с Лысым делать будем, в снег закопаем?

– Времени нет, да и все равно занесет. – Нехорошо труп так оставлять, но кому сейчас легко? Макс уже начал прилаживать лыжи, и пришлось его остановить. – Обожди, шмотки собрать надо.

Арбалет, болты к нему, пара ножей, длинный кинжал, топорик и заплечный мешок, чтобы это все утащить. Кошель, в котором вместо денег обнаружилась бензиновая зажигалка и три ключа. Правильно, зачем деньги в рейде? Так, а это еще что такое? Недалеко от тела из снежного наста торчала пистолетная рукоять. Вытащив пистолет и обив о ногу налипший снег, я понял, что не ошибся. «макаров». Видно, выронил его Лысый, вот он в снег и воткнулся. А это уже странно – Лысый всегда кричал, что огнестрельным оружием принципиально не пользуется, у него даже в Братстве чин какой-то был, и вот-те нате. Таскал, значит, втихаря ствол с собой. Наверняка пули серебряные были, поэтому и болт простой поставил. А про четвертого – белого волка – не говорил, чтобы в Ключи побыстрее вернуться. И что получается? Заметил волколака, пистолет из-под полушубка рванул, нам крикнуть повернулся... и не успел. Вроде все гладко, но что-то не сходится. Не таким человеком был Лысый, чтобы своей жизнью рисковать, пытаясь других предупредить. Да и копался он долго: если действительно зверя заметил, было время и нам сказать, и пистолет вытащить. Получается, ствол ему понадобился для других целей? Для каких, даже гадать особо не надо. В животе образовался ледяной комок. А, может, зря я всполошился? Ладно, проверю патроны, ясно станет.

– Ну чего ты так долго? Холодно ведь...

От неожиданности я вздрогнул и быстро сунул пистолет в карман фуфайки. Макс стоял за спиной и не должен был ничего заметить. Не отвечая, я опустился на колени, перекрестился и вполголоса пробормотал все три молитвы, которые знал. Потом встал, закинул мешок на плечо и пошел к лыжам. Даже не глядя на Макса, можно было точно сказать, что он в эту минуту решает – съехал я с катушек сейчас или всегда был с придурью. Пусть гадает, хоть чем-то голова будет занята.

– Думаешь, он зомби мог стать? – спросил Макс, когда мы отъехали на полкилометра. Надо же, а башка у парня варит.

– Ну да, привяжется ледяной ходок – намучаешься, – пробормотал я. Действительно, те, над кем помолились, становились неупокоенными гораздо реже, чем те, которых просто бросили в снег. Вот и крестик нательный на цепочке я с трупа снимать не стал, хотя там серебра грамм пятнадцать было.

– А где ты такой козырный нож надыбал? – По всему было видно, что Максу необходимо выговориться. Ничего, в Ключах будет с кем языком почесать.

– Где взял, там больше нет. – В отличие от Макса, говорить не хотелось, мысли были заняты другим.

Нож действительно необычный. Темно-синее, украшенное зелеными узорами лезвие без проблем резало жуть и при этом ничуть не тупилось. Рукоять из серо-зеленого непрозрачного материала, похожего на какой-то камень, удобно ложилась в ладонь и в руке совершенно не скользила. Не нож, а сказка. Главное, приобрел его совершенно случайно. Две недели назад мне в драке руку розочкой распорол, а на следующий день подходила очередь в патруль идти. Пришлось тащиться в клинику. Там ко мне и пристал бродяга: купи нож и купи. Говорит, ходил на север, но принес только нож да воспаление легких. Почему не взять? Я тогда при деньгах был, а нож знатный. Сам по северным развалинам одно время лазал, много там чего интересного найти можно – вот и решил помочь. Так у меня появился нож, а у бродяги деньги на лечение, хотя он мог и просто их пропить.

– Смотри, Макс! Наш курган?

Ветер стих, небо прояснилось, но я мог ошибиться, здесь таких курганов немало.

– Похоже на то, – выдохнул Макс. На разговоры сил у него явно не осталось. Пройти оставалось всего ничего – только холм обогнуть и прямо к Ключам выйдем.

Так и получилось. Стоило кургану остаться позади, как я почувствовал дуновение теплого влажного ветра. Немного погода стал виден туман, поднимающийся над остывающей водой. Поселок Ключи получил свое название не просто так. Здесь бил теплый источник, а вода была хоть и горячая, но без малейшего намека на серу. И солей в ней содержалось совсем немного. Жили тут селяне не то чтобы сильно богато, но лучше, чем в других поселках, деревнях и хуторах, где мне доводилось бывать. Ну, это понятно. Тепло халявное, и защищала людей не столько сооруженная из железобетонных блоков и толстенных бревен стена в два человеческих роста, сколько заводь, посреди которой стоял поселок. Заводь, наполненная горячей водой, казалась не очень широкой – максимум пятнадцать метров, но на самом деле была шире. Просто с внешней стороны – там, где вода холоднее, – над ней нависали настоящие наросты из снега и льда. Попробуй подойди – провалишься сквозь рыхлый наст и уже не выплывешь. Излишек воды уходил по прорытой канаве прямо в протекающую неподалеку речку. Зайти в поселок можно было только по единственному бревенчатому мосту. Вот и получалось, что мелких банд и небольших стай тварей поселок мог не опасаться, а серьезных людей он заинтересовать не мог, поскольку находился под защитой Форты.

Подойдя к Ключам со стороны моста, мы с Максом остановились. Лучше подождать, пока тебя заметят, чем сгоряча схлопотать пулеметную очередь. Заводь заводью, но к безопасности в поселке относились серьезно. Долго ждать не пришлось, почти сразу луч мощного прожектора скользнул рядом с нами, замер, и со сторожевой башенки кто-то заорал:

– Обзовитесь, кого там принесло?

– Мы это, открывайте быстрее!

Что меня не узнают, можно не опасаться: когда наш отряд останавливался на ночлег в деревнях, всегда кто-то из патрульных оставался на посту. Правило трех «Б»: береженого Бог бережет. Вот и сейчас практически сразу открылась небольшая калитка рядом с воротами.

– Заходите в темпе, – крикнули с башни.

Голос знакомый. Похоже, Серый на посту. Зайдя в низкую дверь, мы очутились в темном коридоре. Во мраке ничего разглядеть было невозможно даже на расстоянии вытянутой руки, но это не страшно: проход узкий и без каких-либо боковых ответвлений. Не заблудишься. Мы без проблем добрались до небольшой комнатки, освещенной закрепленными на стенах факелами. Выход из комнаты преграждала решетка, сваренная из толстых железных прутьев, а в стенах и даже потолке виднелись проемы бойниц. Я совершенно точно знал, что за нами сейчас наблюдают никак не меньше пяти человек. И изрешетить незваного гостя для них раз плюнуть. А поэтому не торопясь вышел на середину комнаты и, стараясь не делать резких движений, стянул ушанку и вязаную шапочку. Макс последовал моему примеру.

– Да они это, только Лысого нет. Открывайте, короче. – Серого, похоже, специально привели, чтобы он нас опознал, и ему не терпелось узнать, что случилось с Лысым.

– Обожди, сейчас Шаман придет, тогда и выпустим. А так мало ли кто их личину натянуть мог? – резонно возразил ему кто-то более опытный и был, без сомнения, прав. Разве на глаз определишь: твой приятель это пришел или уже мертвяк ходячий?

В глубине коридора замелькали всполохи света, и вскоре в проходе появился Шаман. Как обычно, его сопровождал бородатый здоровяк, которому приходилось постоянно пригибать голову, чтобы не задеть низкий потолок. Короткая черная борода и перебитый нос делали его похожим на разбойника с большой дороги. Добавляла сходства и длинная кольчуга, доходившая до середины бедра. В одной руке он держал факел, в другой топор на короткой рукояти. На его фоне Шаман в глаза не бросался. Наверняка именно из-за колоритной внешности сопровождающего и выбрали. Отвлекающий фактор, так сказать. Обративший внимание на Шамана сразу бы понял, кто в этой паре главный. От телохранителя он отличался примерно так же, как отличается кожаный сапог, пошитый мастером своего дела, от простого валенка. И даже не во внешности дело: большинство говоривших с Шаманом смогли бы припомнить разве что

худобу, стянутые в косичку длинные темные волосы и глубоко запавшие глаза. Просто в нем чувствовалась внутренняя сила. Неудивительно: разумеется, он был никаким не шаманом, а достаточно сильным колдуном. И сейчас этот колдун через решетку внимательно нас изучал.

Процедура осмотра не заняла и минуты.

– Открывайте, – оглянувшись на телохранителя, коротко бросил Шаман и, круто развернувшись, зашагал по коридору. Решетка со скрежетом отошла в сторону, через открывшийся проход мы прошли в просторную комнату, освещенную обычными электрическими лампочками. Вдоль стен стояли деревянные лавки, над ними прибиты вешалки. В комнате было три двери: одна вела во двор, вторая во внутренние помещения башни, а через третью мы сюда вошли. В углу с выцветшего плаката красным глазом киборга невозмутимо взирал на мир Арнольд Шварценеггер. Внизу черным маркером кто-то печатными буквами вывел: «Будь бдителен!» И это правильно:пустишь человека без проверки, а он непонятно кем ночью обернется.

– Здорово, пацаны! – Из двери, ведущей в башню, прихромал Серый – Серега Вышев, невысокий широкоплечий паренек лет двадцати. На правом плече у него висел АК-74, на поясе, помимо неременного ножа, была кобура с пистолетом. Не иначе как прямо с поста сюда прибежал. Я догадывался почему. И оказался прав.

– Где Лысый?

– Нету больше Лысого. – Объяснять что-либо не хотелось, и продолжать я не стал.

– Понятно... – протянул Серый, отвел глаза и вдруг попытался улыбнуться: – Хорошо, хоть вы вернулись. А то мы уже не знали, что и думать, вы ж еще засветло появиться должны были.

– Пришлось задержаться. Слушай, Серый, а на башне-то кто остался?

– А меня уже Фомич сменил, я спать иду, – зевнул он, положил автомат на полку, стянул с вешалки пуховик и стал его натягивать. – Ладно, пойду я.

Неплохой он все-таки пацан, вот и намеки понимает. Я кинул мешок с вещами Лысого в угол комнаты и сел на лавку. В тепле разморило, сразу потянуло в сон, глаза начали закрываться сами собой. Пришлось подняться и пройтись по комнате. Что-то никто нас не встречает, пора бы уже.

– Во буржуи! Электричество совсем не экономят, жгут зазря, – удивился Макс, он уже развалился на лавке и пытался поудобней пристроить ноги на брошенном на пол вещмешке.

– Да у них тут целая гидроэлектростанция работает, – объяснил я. Сам, когда был тут в первый раз, тоже долго привыкнуть не мог.

– А лампочки не перегорают, что ли? Где они новые берут?

– Раскошелились и у чародеев вечные купили.

– А чего у них тогда в смотровой факелы горят?

Вот для этого веские причины как раз были. Туда даже проводку электрическую не протянули. Все дело в том, что электрические поля и скачки напряжения создавали помехи для распространения магической энергии, и Шаману приходилось бы прилагать дополнительные усилия для их отфильтровки. А у колдунов каждая капля энергии на счету. У магов с восстановлением сил ситуация попроще, но на них электрические помехи действуют еще хуже. Например, рядом с высоковольтной ЛЭП вероятность временного обрыва магического потока возрастала многократно. Но ничего этого объяснить Макс я не успел: распахнулась дверь, со двора вместе с порывом холодного воздуха и роем снежинок в комнату вошел Дрон. Следом за ним, захлопнув за собой дверь, ввалился кто-то из местных.

Оп-па, приплыли. Дрон, вне Патруля более известный как Андрей Кривенцов, был командиром нашего отряда и к тому же единственным в нем колдуном. Несмотря на маленький рост и чрезмерную упитанность, он пользовался в Патруле немалым авторитетом. Если уж он из-за нас поднялся среди ночи, то что-то сейчас будет. Колдун кивнул местному на Макса:

– Проводи до комнаты.

«Так, значит, мной займется», – подумал я. И оказался прав. Что-то я в последнее время часто угадывать стал. Может, у меня дар прорезался?

– Рассказывай, что случилось, – без всяких предисловий начал командир, как только за Максом и его провожатым закрылась дверь.

Где Лысый, он не спросил. Получается, уже успел узнать. От кого? Только от Сереги, больше не от кого. Может, по пути встретил, а может, тот сам его нашел. Особой роли это не играет. Но на заметку взять надо, вдруг когда пригодится.

Раз начальство спрашивает, надо отвечать, никуда не денешься. Ну, в общем, я и рассказал все как было. Только про пистолет ничего говорить не стал. Ни к чему это. Весь рассказ занял от силы минут десять, а потом еще минут двадцать я отвечал на вопросы. Под конец беседы у меня даже стало складываться впечатление, что никакая это не беседа, а самый настоящий допрос. Хотя Дрона тоже понять можно, ему в Форте за всех нас отчитываться. Вскоре я уже не мог думать ни о чем, кроме как поскорей завалиться спать, а поэтому отвечал односложно и без подробностей. Видно поняв, что от меня больше ничего не добьется, Дрон ткнул пальцем в лежащий в углу мешок:

– Лысого?

– Ага.

– Свободен. Можешь спать идти. Место знакомое, не заблудишься. – Выдав столь содержательный инструктаж, он подхватил мешок и направился к двери, но в последний момент повернулся и предупредил: – И не пей. Понял? Завтра с утра в Форт возвращаемся.

– Понял.

Тоже мне, указчик выискался. Колобок приплюснутый. И ведь колдун не шибко сильный, а как мозги заплел, паразит: про «макарова» Лысого я только чудом пару раз не обмолвился. Подхватив пожитки, я вышел за Дроном во двор. Он уже растворился в темноте, так что никто не помешал мне помочиться на стену караульного помещения, выразив таким образом свое отношение ко всем мудрым распоряжениям начальства. А потом в гордом одиночестве я добрел до знакомого барака, толкнул неплотно прикрытую дверь, кивнул Коту, дремлющему на стуле в обнимку с автоматом, и зашел в свою комнатку.

Здесь обо мне кто-то уже позаботился: прямо на полу был расстелен набитый соломой тюфяк, а на единственной в комнате мебели – табуретке – стоял поднос с кружкой горячего травяного чая, краюхой хлеба и ломтиком сыра. Подсвечник с тремя огарками стоял прямо на полу и едва освещал комнату. От одного вида еды и аромата чая я чуть не захлебнулся слюной и, кое-как скидав в угол комнаты верхнюю одежду, сразу приступил к трапезе, откусывая большие куски хлеба с сыром и запивая все это сладким чаем. Вообще, пить травяной чай с сахаром – это извращение, но предложи мне кто сейчас еще пару кусков рафинада, согласился бы, не раздумывая. Оголодал, однако.

Полученного от еды удовольствия могло хватить на пару походов по ресторанам в прежней жизни. Теперь только выспаться, и все. Но прежде чем задуть свечи и завалиться спать, я по привычке вытащил нож и сунул его под тюфяк. А потом достал из кармана фуфайки ствол Лысого и передернул затвор. На пол упал самый обычный заводской патрон с пулей, упрятанной в медную оболочку...

Глава 2

Вопреки опасениям, кошмары мне ночью не снились. Вообще ничего не снилось. Наверное, слишком устал. Как только залез под одеяло, сразу провалился в черный омут забытья, а утром так же внезапно из него вынырнул. Причиной столь резкого пробуждения стал чувствительный пинок по ребрам. Сознание прояснилось моментально, но тело сплосховало: пока откидывал одеяло и замахивался ножом, неизвестный визитер успел отпрыгнуть ко входу в комнату.

– Не, ну ты че такой нервный? – со смехом поинтересовался Шурик Ермолов, двухметровый детина, просто обожавший подобные шутки, и добавил уже совершенно серьезно: – Давай вставай, через час выступаем.

– Ты, недоумок, когда-нибудь точно допрыгаешься. – Сердце бешено колотилось, спина взмокла, но я постарался скрыть свое раздражение. – Не мог, что ли, просто сказать «доброе утро»?

– Да? А кто мне в прошлый раз спички в пальцы вставил? Вам тогда тоже весело было. – Шурик отодвинул в сторону тяжелую занавесь, заменяющую дверь, и выскользнул из комнаты.

Успокоить дыхание оказалось легко. В самом деле, а что случилось? Ну, получил по ребрам – ерунда это. Я ему в следующий раз тоже что-нибудь веселое устрою, простым «велосипедом» уже не отделается. Радовало другое – ночью никто не попытался меня прирезать. Не то чтобы я всерьез рассматривал такую возможность, но если уж начались непонятки, то произойти может что угодно. Даже удар бритвой по горлу в абсолютно безопасном, казалось бы, месте.

Быстро приведя себя в порядок и подхватив под мышку свернутую фуфайку, я поспешил в столовую. В принципе фуфайку можно оставить с остальными вещами в комнате, но как бы кто в кармане ствол Лысого не нашел.

Столовая находилась в этом же бараке, и выходить на улицу не требовалось. Помещение ее было заставлено длинными деревянными столами и низкими скамьями. Съеденный накануне бутерброд давно усвоился организмом, и живот сводило от голода. Аппетитные запахи сразу вызвали обильное слюноотделение, я кинул фуфайку на скамью и поспешил за причитающейся мне порцией. Столовка быстро заполнялась патрульными, но, как ни странно, на меня особого внимания не обращали. Все как обычно: кто кивнул, кто поздоровался. Никаких расспросов. Зато на Шурика, который в очередь на раздачу успел вклиниться передо мной, кидали такие многообещающие взгляды, что становилось понятно – за это утро он успел поучаствовать в пробуждении доброй половины отряда. Получив свою порцию, я вернулся к столу, где уже пристроился Ермолов. Отодвинув в сторону его поднос, мне удалось разместить на столе доску с тарелкой гречневой каши, щедро сдобренной мясом, ломтем хлеба и кружкой все того же травяного чая. Теперь можно и оглядеться. Создавалось впечатление, что все с жуткого бодуна. Ели без всякой охоты, налегая в основном на чай. Кое-кто клевал носом. Многие вообще не появились.

– Слушай, Шурик, вы че, бухали вчера?

– А то. – Он оторвался от тарелки и кивнул. – Староста, как только увидел белый хвост, который Макс приволок, сразу бочонок браги выкатил. Да еще харчей на дорогу обещал подкинуть. Эта зверюга, оказывается, их уже полгода доставала.

– Вот уроды, мать их! Не могли предупредить?

– Насчет волколака? А ты участвовал бы в облаве за такие гроши? Я – нет. Жизнь стоит несколько дороже. И Дрон бы на это дело не подписался. А прикинь, сколько бы профи серебра запросили? Жилин, говорят, вообще меньше чем за полштуки золотом из дому не выходит.

– Блин, а если бы у нас серебра не оказалось? – Раздражение нарастало и постепенно переходило в желание найти старосту и набить ему морду.

– Сам-то понял, что сказал? – Шурик сыто рыгнул и откинулся на стену. – И у кого из наших серебряных пуль или ножики нет? Разве что у Макса, так он в патруле первый раз. О, смотри, вон и оно всплыло.

Я повернул голову – действительно, в дверь как-то боком протиснулся Макс. Похоже, его штормило. Обычно румяные щеки впали и были какого-то непередаваемого зеленовато-серого оттенка. Кое-как добредя до нашего стола, он рухнул на скамейку рядом со мной. Становилось понятно, почему никто не пытался выяснить у меня, что произошло. Судя по состоянию Макса, он вчера рассказывал, как все случилось, раз пять, не меньше.

– Посмотрел бы я, как ты волколака серебряным ножиком завалить пытаешься, – снова повернулся я к Шурику. – И вообще, почему меня вчера не позвали?

– А Дрон велел тебя не беспокоить, только хавки в комнату закинуть. Ладно, я пошел, да и вы доедайте быстрее. Выходить пора. – Шурик кивнул на длинное зарешеченное окно, через изморозь на котором уже просвечивали солнечные лучи.

Макс издал какой-то неопределенный стон, по-видимому, означавший полное и бесповоротное намерение бросить пить, и попытался глотнуть остывший чай Шурика. Судя по перекосившемуся лицу, на пользу ему это не пошло.

– Что, плохо? – с неприкрытым злорадством в голосе поинтересовался я. – Пить меньше надо!

– Иди ты. Не видишь, колбасит меня. Сейчас еще отошел немного, а как проснулся, вообще чуть кони не двинул. – Макс поморщился, попробовал сделать еще один глоток и продолжил: – А все Дрон, зараза.

– А он-то тут при чем – брагу тебе насильно заливал?

– Да нет, он меня полчаса расспрашивал, а мне из-за этого три кружки штрафных выпить пришлось.

Я продолжал улыбаться, но по спине побежали мурашки, а тоненький голосок дурного предчувствия превратился в рев сирены гражданской обороны. Макс у нас недавно, он ничего не понял. Но не принято допрашивать всех членов группы, если кто-то не вернулся из патруля и нет твердой уверенности в том, что дело нечисто. Слишком часто такое случается, чтобы устраивать по каждой смерти форменное следствие. Поговорят со старшим группы – и все. После смерти Лысого за старшего остался я. Макса вообще допрашивать не должны были. В крайнем случае задать пару вопросов, не больше. А тут мало того, что меня Дрон буквально выпотрошил, так после еще и Максом всерьез занялся. С чего бы это? Либо у него есть какие-то подозрения, что смерть Лысого не случайна, либо... Ох, и паскудная цепочка выстраивается. И не убедить себя, что все это паранойя. Типа, и пистолет у Лысого случайно оказался, и выпал он сам по себе. А Дрон просто от бессонницы маялся, вот и развлекался с нами ночными беседами. По отдельности каждый эпизод ни о чем не говорит, но все вместе... А что, собственно, получается?

Начала выстраиваться логическая цепочка, и чем больше звеньев в нее добавлялось, тем тошнее мне становилось. Ну, во-первых, Лысый, обычно спокойный как удав, в тот вечер откровенно нервничал, что заметил даже Макс. Во-вторых, Лысый никогда не пользовался огнестрельным оружием. И не в принципиальности было дело, а в том, что состоял он в Братстве и ранг у него там был немалый. А братья применение огнестрельного оружия категорически не одобряют. Философия у них такая. И сделать карьеру в Братстве Лысому было бы совершенно нереально, ходи он постоянно со стволом в кармане. В этом сомнений нет, сам одно время у братьев тренировался. Получается, Лысый взял пистолет из-за какой-то экстренной необходимости. Знай он о волколаке и будь ПМ с серебряными пулями, все было бы понятно. Но пули оказались самыми обычными, вчера я проверил всю обойму. Зачем он пытался достать

ствол? Не из-за волколака, понятное дело. Вот если бы он решил избавиться от меня с Максом, то выбор становился объясним. Арбалет – оружие хорошее, но из него двоих завалить можно и не успеть. С пистолетом все не в пример проще. Болт мне, пулю Макс. Но зачем? Где я мог ему прищемить хвост? Выходило, что нигде. Не пересекались мы с ним. Значит, дело не в Лысом или не только в нем. Вот и Дрон ведет себя совершенно неправильно, а ведь именно командир поставил нас в одну группу. И теперь, похоже, допрашивая о событиях прошлой ночи, пытается подловить нас с Максом на противоречиях. И что делать? Не спрашивать же у него, в самом деле: это не ты меня Лысому заказал? Да у Дрона тоже поводов быть не должно.

Выходит, на самый главный вопрос ответа нет. Знай я, за что меня пытались убить, мог бы принять хоть какие-то встречные меры. Кстати, если от кого-то надо по-тихому избавиться, то почему не поставить в группу двух посвященных и одну жертву? Нет второго убийцы или желательно избавиться от двух человек за раз? Или вообще не во мне дело? Просто в расход списали, а завалить требовалось Макса? Да нет, бред это. Он у нас недавно, не успел еще мозоли никому отдалить. Но ведь и я вроде никуда не вляпался. Максимум могли в подворотне перо в бок засадить или в кабаке голову кастетом проломить. Но все-таки проверить идею стоило.

– Слушай, Макс. Ты у нас сколько уже, месяца два?

– Угу, – промычал тот, не отрывая голову от столешницы.

– И что, до сих пор никого не завалил? – Времени на долгие осторожные расспросы не оставалось, вот-вот должны были дать команду к отбытию.

Макс был настолько удивлен неожиданным поворотом в разговоре, что даже приподнял голову от стола:

– Нет. А что?

– Да так, просто интересно. Меня первое время так и пытались подцепить.

– А! Нет, никаких проблем. – Он сжал немаленький кулак. – Я ж боксер, если что, сразу в лоб. Вот тут недавно в карты резались в «Серебряной подкове», один чудаковатый мухлевать стал... Так я его спокойно без всяких подсвечников уработал.

Да уж, Макс паренек здоровый, такого лишнего раз задевать не станут. Не в нем дело. Я хотел было из чистого любопытства поинтересоваться именем шулера – глядишь, жизнь за карточным столом сведет, – но тут в двери появился Крест, заместитель Дрона, и не особенно громко, но так, что слышали все, скомандовал:

– С вещами на выход! И пошевеливайтесь.

Патрульные, побросав недоеденный завтрак, потянулись к выходу. Нет, точно все болеют. Чтоб в нормальном состоянии кто-нибудь, не доев свою порцию, с места сорвался? Отставив кружку с чаем, я стал натягивать фуфайку. Нечего здесь одному расслаиваться. У любого нормального человека моментально пропадало желание спорить с Крестом по мелочам, стоило столкнуться с ним лицом к лицу. Сразу становилось понятно странное прозвище: левую щеку пересекали два ножевых шрама. Один горизонтальный, второй вертикальный. Крест не просто выглядел опасным человеком, он им и был. По моим прикидкам, одним из самых опасных людей, которые мне встречались в этой Богом забытой дыре. И почему он тратит свое время на Патруль, я понять не мог. Хотя мало ли какие причуды у людей бывают?

– Тебе, Лед, отдельное приглашение надо?

Блин, когда все слинять успели? Подхватив ушанку, я направился к выходу:

– А че сразу Лед? Я че, крайний, что ли?

– Был бы ты крайний, я б тебе так и сказал. – Крест не оценил шутку, пропустил меня в дверь и уже в коридоре спросил: – Как Макс в деле?

– Нормально, нервничал только немного. Но еще пара рейдов – и это пройдет.

– Может, и пройдет. А может, и нет. По-всякому может быть. Присмотри за ним.

– Ладно, – кивнул я и завернул в свою комнатку, где меня ждали мешок и оружие. Мешок за спину, ружье на плечо, топор, который я на облату не брал, за пояс. Вроде все, ничего не забыл. Натянул ушанку, вышел во внутренний двор.

С одной стороны двор ограничивала внешняя стена, с другой – сходящиеся под углом бараки. Посредине располагались узкие ворота, ведущие внутрь поселка. Собственно, там из наших бывали только Дрон и Крест, все остальные довольствовались видом из окна столовой. Окно на всякий случай было забрано толстой решеткой. А вообще, спроектировано и построено все очень грамотно. Если нападающие смогут вынести ворота и прорваться во внутренний двор, их встретит перекрестный кинжальный огонь из узких, напоминающих бойницы окон барачков. Да и на крышах при необходимости можно стрелков разместить.

И надо ж было мне так повезти, что на выходе из барака я наткнулся на Хобота. У меня и раньше с ним были не шибко хорошие отношения, а уж с тех пор, как он получил чин сержанта Патруля, постоянно возникало желание поломать ему пару ребер или расквасить длинный нос. Приходилось сдерживаться. Особенных проблем из-за него у меня быть не должно, но за драку в рейде вполне можно загреметь на месяцок-другой на северную промзону штрафников каравуль. В Патруле с этим строго. Вот в Форте Хобот мне на глаза попался крайне редко.

– Что, Скользкий, опаздываем? – расплылся он в улыбке.

Я не стал улыбаться ему в ответ:

– Тебе доступно вроде объяснили, что Скользкий я только для друзей?

В последний раз он так меня назвал в «Берлоге», кабаке в северной части Форта. Тогда сержант только чудом сумел увернуться от бутылки водки, брошенной ему в голову. Самое обидное не то, что в бутылке еще плескалось грамм двести сорокаградусной, а то, что она угодила прямехонько в затылок совершенно левого типа. Да еще потом приятель этого бедолаги решил со мной похитаться с помощью горлышка разлетевшейся вдребезги бутылки. Не стоило ему так горячиться. Да, неприятная история вышла.

– А я тебе, значит, не друг? – скривил толстые губы Хобот, но свою мысль развивать не стал. – Давай, топай строиться.

Ну, построились. Все как всегда. Но на фоне более чем двадцати хмурых и невыспавшихся парней, одетых в тулупы, полушубки и прочие фуфайки, ярким, почти весенним пятном выделялись две девушки, которые весело щебетали о чем-то своем, не обращая на командиров ни малейшего внимания. Для сегодняшней погоды они были одеты более чем легко. Облегающие кожаные куртки и штаны, легкие сапожки и белые вязаные шапочки. Довершали их снаряжение длинные луки, колчаны со стрелами, короткие сабли и кинжалы на стягивающих куртки поясах, да еще у одной рядом с ножнами висела кобура с АПС. Валькирии, Сестры Холода, Лига. В разных районах Приграничья их называли по-разному, но везде относились со смесью уважения и настороженности. Никто не знал, какие обряды они проводили на своих сборищах, но в их эффективности сомневаться не приходилось: валькирии без каких-либо последствий переносили самые сильные холода, не причинявшие им никаких неудобств. Конечно, многие желали проникнуть в тайны Лиги, но пока это никому не удалось. Неплохо владеющие оружием и прекрасно организованные валькирии представляли собой существенную боевую силу. Силу, уступающую только Братству, Дружине и Гимназии. И на попытки проникнуть в свои тайны они реагировали предельно жестко. Поэтому в Городе и Северореченске их не жаловали, у нас тоже многие вздохнули бы с облегчением, выставив Лигу из Форта.

Насколько я мог понять, этих двух девушек придали нашему отряду на случай встречи с нежитью, отродьями стужи или кочевьем снежных людей, шаманов которых обычно сопровождали два-три ученика. Единственный колдун – Дрон – в такой ситуации серьезного сопротивления оказать бы не смог, а валькирии очень эффективно умели расправляться с заклинателями различных мастей. Из-за чего у них и были не самые лучшие отношения с Гимназией – орга-

низацией, объединяющей всех колдунов Форты. Одно странно: сколько в Патруле служу, первый раз Сестры отряд сопровождают.

Отцы-командиры в лице Дрона и Креста на поведение девиц внимания обращать не стали, быстренько всех осмотрели, устроили пару разгонов и дали команду к отправлению. Центральные ворота закрипели и медленно, с рывками отворились. Несмотря на почти ежедневную смазку, постоянная сырость и испарения делали свое черное, а точнее, ржавое дело.

Едва только за нами остались покрытые инеем и оттого казавшиеся ледяными стены Ключей и курящаяся туманной дымкой заводь, сразу же налетел ледяной ветер. За ночь от облаков не осталось и следа. Здорово похолодало. Холодный воздух морозил ноздри и обжигал легкие. Кто-то закашлялся, кто-то прикрыл нос меховым воротником.

Гладкий наст снега сверкал на ярком солнце неисчислимыми сотнями крошечных зеркал. Моментально начали слезиться глаза. Немногие счастливчики надели темные очки, которые, к сожалению, были жутким дефицитом. Стоили они немало, да к тому же постоянно ломались – разбитые стекла и раздавленные оправы во время патруля обычное дело. Бурьян, густо покрывающий склоны кургана, раскачивался под порывами ветра, и создавалось впечатление, что меж его стеблей к нам кто-то крадется, скрываясь в пляшущих на снегу тенях. Ох, что-то всякая чушь с утра в голову лезет. Вроде и не пил вчера.

Самое неприятное выяснилось после выхода: оказывается, мы выдвигались не по Западному тракту или скованной льдом и занесенной снегом Светлой, которая текла почти прямо к Форте, а по Южной дороге. Необходимо было завернуть в Нижний хутор и только потом возвращаться на базу. Проблема заключалась в том, что если по Западному тракту или Светлой можно спокойно бежать на лыжах, то на большей части Южной дороги такой возможности не было. По сути, эта дорога была утопанной до каменной твердости обледелой тропой, петлявшей между поросшими кустарником холмами с одной стороны и болотами с другой. По холмам при всем желании было не проехать. Пытаться бежать на лыжах по укатанной дороге, на мой взгляд, сущее извращение. Между перемещением же по застывшим топям и игрой в русскую рулетку имелось только одно отличие: смертность при занятии первым была значительно выше. Вурдалаки, кикиморы, навьи и прочие безымянные обитатели болот обычно очень быстро реагировали на наличие доступной пищи. Вот и получалось, что отряд плелся по извилистой тропе, таща на себе лыжи и высказывая совсем не лестные замечания об умственных способностях начальства, планировавшего маршрут.

Я шел в конце растянувшегося отряда и не без удовольствия наблюдал за попытками Шурика завязать знакомство с валькириями. За время патруля это попытались сделать все без исключения патрульные, но мало кто мог похвастаться, что ему уделили более пяти минут внимания. И только Шурик в силу своего неиссякаемого оптимизма еще на что-то надеялся. А может, и не надеялся, просто ему скучно идти молча. Но сейчас, похоже, и его терпению пришел конец.

– А вообще-то валькирии должны ублажать героев. – Шурик подмигнул рыженькой. Рассчитывает, что она засомневается в его героизме и найдется тема для разговора?

– Так то мертвых героев. – Тон, которым это было произнесено, не оставлял никаких сомнений, что Шурик прямо сейчас перейдет в этот разряд, если не перестанет надоедать.

Он, по-видимому, это понял и, замедлив шаг, оказался рядом со мной и Максом, которому на свежем воздухе немного полегчало.

– А может, они все лесбиянки? – Вопрос был адресован мне, но так, чтобы услышали и девушки.

– Не все. – Я совершенно точно знал, что в Лигу принимают не по этому признаку.

– Да? – неуверенно протянул Шурик. – По ним и не скажешь.

– Ну, е-мое, почему все время пешком и пешком? В Патруле что, машин нет? – Макс впервые с Ключей заговорил. Насчет того, что ему полегчало, я ошибся. Наоборот, его довольно заметно начало трясти.

– Есть. – А вот Шурик вполне отошел от вчерашнего.

– Так почему не ездим?

– Машины-то есть. А знаешь, сколько литр бензина стоит?

Макс не знал.

– Дешевле тебя раз пять от Форта до Ключей сгонять. – Шурик немного преувеличивал, но в принципе затраты вполне сопоставимы.

– А че тогда рейнджеры на тачках рассекают? – Идея передвижения на своих двоих вызвала у Макса явное неприятие.

– У них в Городе бензин халявный, чего бы не порассекать? – пожал я плечами.

В отличие от Форта, бывший раньше военной базой Город обладал огромными подземными хранилищами горючки и мог позволить себе щедрый расход топлива. Особенно на оборонные цели. Да и с оружием тамошние рейнджеры проблем не знали. Хорошо хоть, интересы Города и Форта пока не пересекались: Город находился достаточно далеко к юго-востоку от нас.

Словно не выдержав напряженного мыслительного процесса, а может, от понимания столь явной несправедливости, Макс сбросил вещмешок на обочину и избавился от завтрака прямо под придорожные кусты.

– Лучшее средство от тошноты – два пальца в рот, – назидательно поведал Макс Шурик и уже собирался развить свою мысль, но впереди раздалась длинная автоматная очередь, а следом за ней несколько ружейных выстрелов. От нас происходящее скрывал густо заросший боярышником склон очередного холма. Я сразу же взял наизготовку двустволку и через просвет в зарослях бросился вперед. Вряд ли отряд угодил в засаду – слишком место неподходящее, – но мало ли что случилось. Когда удалось прорваться сквозь заросли, то никакой необходимости в этом уже не было. Ничего серьезного, просто какой-то обитатель болот слишком оголодал и не рассчитал свои силы. Выстрелы прекратились, почти на обочине дороги лежала бурая масса, за которой тянулся коричневый, постепенно становящийся зеленым след. Существо можно было счесть гуманоидом: покрытая шишками голова и туловище присутствовали в одном экземпляре, зато ног и лап было как раз по две. Или лапа одна? Нет, недалеко от тела лежала оторванная по локоть вторая конечность с длинными, изогнутыми когтями. Чем это в нее зарядили? А когти серьезные, такими раз зацепит – мало не покажется.

Сзади, треща кустами, появился Шурик, и я кивнул ему на тушу:

– И что это за тварь? Я таких еще не видел.

– Болотный человек. – Он посмотрел на меня и добавил: – Да не прикалываюсь я. Честное слово, какой-то шутник так назвал.

Стоявший неподалеку Кот повернулся к нам:

– Точно болотный, я их пару раз видел.

В голове твари торчал обломок древка. Болотный человек не шевелился, но никто не спешил подходить к бездыханной вроде бы туше. Оно и понятно: прямого приказа нет, а трофеями тут и не пахнет.

– О! Узнаешь поворот? – заорал вдруг Шурик и хлопнул меня по плечу. От неожиданности я вздрогнул. На крик в нашу сторону стали поворачиваться парни, а весельчак никак не унимался: – Ну что, еще разок на ящик коньяка поспорим?

Ага, разбежался. Тогда из-за ящика коньяка я чудом в живых остался, до сих пор шрам не зарос и ребра к перемене погоды ломит. Кот, Друид и Семеныч заржали. Остальные ничего не поняли – их тогда с нами не было, но Ермолов не замедлил всех просветить:

– Ну идем мы как-то этой дорогой, только, наоборот, в Ключи. Устали, замерзли как собаки. И выходим, значит, к этому повороту. – Он рукой указал на место, в котором тропа

по широкой дуге огибала топь. – Ну, и кому-то пришла идея срезать путь. Напрямик ломаться, через болото. А Жорик Глюк, земля ему пухом, говорит: «Вы как хотите, а я напрямик не полезу. Самоубийство, мол, чистое. А если кто сумеет пройти, то я ему коньяку ящик поставлю». Ну, мы-то Жору просто послушали, а Лед решил рискнуть.

Он перевел дыхание, убедился, что Дрон и Крест еще о чем-то совещаются, и продолжил:

– Метров сто он пробежал без проблем, а потом прямо из-под снега на него – вурдалак. Здоровый, когти – во! – Он развел ладони сантиметров на двадцать. – Все, думаем, хана Скользкому, отбегался. Его ж метра на два от удара отбросило. Вурдалак к нему, а Лед из обреза – дулетом прямо в морду и бежать. Он тогда, наверное, какой-нибудь мировой рекорд побил. И ведь почти целый прибежал, покоцанный только немного.

– Шевелитесь уже!

Крест и Дрон, похоже, договорились, и отряд вновь растянулся в движении по узкой дороге. Так оно и лучше, а то начались бы дурацкие расспросы и подколы. Тот случай я вспоминать не любил. По глупости своей вляпался и только случайно живым остался. Если бы не нашитые на фуфайку стальные пластины, выпотрошил бы меня вурдалак, как пить дать выпотрошил. Просто чудом тогда обреза не выронил и выстрелить успел. Потом, вообще непонятно, как убежать сумел. Но ствол и лыжи так на болоте и остались. Приволокли меня в Ключи чуть живого, еще немного – и не откачали бы. Недели через две, когда вернулся в Форт, Жора выставил обещанный ящик. В один присест мы его ввосемьмером и уговорили. Жора с Вилкой за добавкой в «Цаплю» поперлись. Там их и зарезали в какой-то нелепой пьяной драке. Судьба, видать, такая...

Очень скоро меня нагнал Макс:

– Слушай, а ты вурдалака совсем завалил?

Ага, завалишь его.

– Да нет. Он меня потом почти догнал. Хорошо, у нас в отряде колдунья была, она его шаровой молнией поджарила.

Постепенно местность начала меняться. Холмы становились все ниже и под конец исчезли совсем. Теперь заснеженная равнина болота раскидывалась по обеим сторонам дороги. Слева потянулись заросли камыша. Желтые высохшие стебли с тихим, еле слышным шорохом качались под порывами ветра. В короткий летний сезон, когда снег сходил полностью, Южной дорогой почти не пользовались. Пройти здесь можно было по проложенной гати, скрытой сейчас под снегом, но смельчаков на такое путешествие не находилось. Слишком уж беспокойными становились летом обитатели болот.

Все, через пару километров топь закончится, и будет развилка. Одна из дорог пойдет на восток прямо в Форт, другая не изменит направления и километров через восемь приведет нас в Нижний хутор. Жило там всего три семьи – человек двадцать, – но обычно бывало намного многочисленней. Постоянно шатались ватаги охотников бить зверя в лесу к западу от хутора, часто наведывались и из Форта: купцы покупали рыбу, которую хуторяне ловили в расположенном неподалеку озере, целители собирали в окрестностях травы, а почти все идущие в Северореченск или обратно обозы не рисковали отправляться в путь на ночь глядя и останавливались до утра на хуторе. К тому же, поскольку этот лес был самым ближним к Форту, в последнее время туда начали ездить еще и за дровами. Что ни говори, место для поселения выбрано удачное. Выгода обоюдная: путникам есть где остановиться на ночь, хуторяне зашибают на всем этом неплохую денюгу.

Неожиданно в глаза мне бросился Кот, который остановился на обочине и пристально всматривался в заросли камыша. Ишь ты, разве что не принохивается. Невысокий жилистый парень, сильно шуривший желтые глаза, сейчас напоминал дикого зверька, учуявшего запах хищника. Что это с ним? Я подошел к нему и хлопнул по спине:

– Проблемы?

– Не знаю, но что-то все утро сердце давит. А бражки давеча я всего кружку выпил...

Мы двинулись дальше, только теперь я тоже всматривался в заросли камыша. Все спокойно, но если Кот занервничал – лучше подстраховаться. Сколько раз его чутье выручало нас – и не сосчитать. Однако в этот раз оно его подвело. Опасность исходила не от камышей – ее источник находился гораздо ближе. Стоило отряду пройти метров двести, как на придорожном снегу начали вырастать бугры. Из них, разгребая снежный наст, полезли мертвяки. Никто особенно не испугался – не в первый раз. Только слишком много мертвяков для обычных неупокоенных. Получается, зомби. Зомби – это тот же ходячий труп, только пробужденный специально. И не бродит он сами по себе, а выполняет приказы хозяина. Приказали зарыться в снег – зарылся, приказали лежать – лежал. И команду атаковать ему тоже кто-то дал. Значит, где-то рядом достаточно сильный колдун, а это уже совсем нехорошо.

Словно в подтверждение моих мыслей стрельба по зомби разом прекратилась. Я почувствовал легкую ломоту в зубах и металлический привкус во рту, закололо виски. Все, отстрелялись. Ничего не понимающие стрелки, теряя драгоценные мгновения, дергали затворы, лишь немногие поняли, в чем дело. Были у меня небольшие способности к колдовству, пару месяцев я даже обучался в Гимназии, вот и почувствовал сейчас, что некромант применил какое-то мощное заклинание, направленное против огнестрельного оружия. Оно и понятно: вооруженные дробовиками патрульные легко могли разделаться с достаточно медлительными зомби, а некромант свел наше преимущество на нет. Какие именно чары он применил и сможет ли их снять Дрон, пока непонятно. Подобных заклинаний понапридумывали выше крыши. Одни заставляли пули огибать колдуна, другие просто не давали оружию выстрелить – порох не загорался или механизм заедал.

Я не стал хвататься за ружье, а, напротив, скинул его вместе с лыжами на дорогу и достал из-за пояса топор. Ближайший зомби был уже в паре метров. Шаг вперед – и тяжелый обух топора с противным хрустом врезался в колено мертвяка. Будь ты хоть трижды мертв, но если тебе раздробить коленные чашечки, то передвигаться сможешь только на костылях. Или ползком. Отпрыгнув от другого зомби, зашедшего сбоку, я взмахнул топором по широкой дуге и практически перерубил вытянутую руку. Здесь главное не увлечься и не засадить лезвие в тело, мертвяку от этого ни холодно, ни жарко, а топор завязнет и высвободить его будет невероятно сложно.

– Топоры! – заорал Крест. Необходимости в этой команде уже не было, все, у кого имелось холодное оружие, его уже достали.

Я отпрыгнул от хромавшего зомби, который едва не проткнул меня коротким мечом, перехватил топор и боковым ударом раздробил второе колено. Мертвяк рухнул на дорогу, но и с земли пытался достать меня своим клинком. Отступив от него на безопасное расстояние, я быстро огляделся. Справа от меня танцевали с клинками валькирии, рядом уже валялись отрубленные кисти, а одному трупу они ухитрились снести голову. Слева широко размахивал шипованной булавой Шурик. Головной части отряда приходилось сложнее. Большинство зомби лезли туда, где пытался наложить какое-то заклинание Дрон. Даже отсюда я видел, как наполняющая его энергия стекает с выводящих замысловатые пассы рук и оставляет в воздухе еле заметные светящиеся следы. От зомби его обороняли оруduющий длинной саблей Крест, Хобот и еще пара патрульных.

Неожиданно Дрона окутало голубоватое сияние, и в меня словно ударил электрический разряд. Мертвяки повалились на землю. Чужая сила, поднявшая их из могил, потеряла над ними власть. Все страньше и страньше. Заклинания изгнания нежити относились к одним из самых сложных, а я-то считал Дрона мелким фокусником. Об этом стоит задуматься. Но сейчас необходимо найти некроманта, пока он не сотворил еще какую-нибудь гадость. Поднять мертвых второй раз он не сможет, но кто знает, какие у мерзавца еще сюрпризы в рукаве припрятаны?

Я постарался расслабиться и почувствовать биение магической энергии в зарослях камыша – больше некроманту спрятаться негде. В самом деле, в камышах чувствовалось легкое пульсирование силы. На ходу доставая из колчанов стрелы с изумрудным оперением, туда метнулись валькирии. Дрон взмахнул правой рукой, и с нее слетел небольшой стусок огня, устремившийся в камыш. Шарик словно наткнулся на невидимую стену и растаял, но перед этим высветил темный силуэт некроманта. Щелкнули тетивы луков, и две стрелы устремились к цели. Не пролетев и половины пути, они вспыхнули зеленым пламенем и рассыпались в прах. Некромант не пытался атаковать. Либо устал, либо занят подготовкой какого-то мощного заклинания. Верным оказалось второе.

Видимо сочтя, что наибольшая угроза исходит от лучниц, колдун выбрал целью именно их. Из камышей вылетела тень и, растягиваясь, понеслась в нашу сторону. Не теряя ни мгновения, я подскочил к Шурику и, подставив подножку, толкнул его на Макса. Мы рухнули на дорогу, валькирии метнулись в стороны от набравшего скорость облака тьмы. Руку одной из девушек окутало серебристое мерцание и потянувшееся к ней щупальце заклинания бесследно растаяло в воздухе. Тень прошла над нами, краями зацепив Шестакова и Леща. Они упали на дорогу, и стало ясно, что подняться парням уже не суждено. Пролетев через дорогу, тьма закрутилась в переливающийся множеством оттенков серого и черного смерч. Что-то сейчас будет! Не вставая, я выхватил нож и начал вычерчивать защитный круг. Снова тренькнули луки. Одна стрела, прямо перед некромантом закрутившись штопором, ушла вертикально вверх. Вторая, задымившись, преодолела защитный барьер и вонзилась в колдуна. Смерч задрожал и втянулся в землю. Дрон выкинул вперед руку, и с его ладони сорвалась ослепительно-белая ветвистая молния. Она с шипеньем ударила в некроманта и отбросила его в сторону. После этого Дрон и Крест, нисколько не таясь и увязая по пояс в глубоком снегу, начали пробираться к дымящемуся телу.

Мы поднялись с земли. Яркий росчерк разряда еще оставался на сетчатке глаза. Макс ошалело рассматривал лежащие тела. Шурик достал фляжку, я последовал его примеру и допил остатки самогона. Немного отпустило. Вокруг раненых уже начинали суетиться патрульные, и я обратил внимание на зомби. Пора и о трофеях позаботиться. Мне удалось найти золотую цепочку с заключенной в круг «правильной» свастикой и кольцо с синим прозрачным камнем, которое пришлось срезать с пальца, когда из камышей раздался крик Креста:

– Лед! Живо сюда.

Какого...? Что им еще понадобилось? Прихватив короткий меч, я направился в камыши. Рядом с трупом некроманта по-прежнему были только Дрон и Крест.

– Узнаешь? – спросил Дрон, кивая на тело.

Я всмотрелся в лежащий навзничь труп. Длинная шуба сильно обгорела, но лицо почти не опалило. И оно казалось мне знакомым.

– Крыс? – удивился я. Когда пару лет назад учился в Гимназии, видел его там частенько, но с тех пор ни разу не встречал.

– Ну, что я тебе говорил? – повернулся Дрон к своему заместителю. – Не может быть, не может быть...

– Но его же с бандой Семы Два Ножа убить должны были. – Крест был ошарашен. – Мне сам Штоц рассказывал, что они всех положили, никто не ушел.

– Значит, ушел. И вообще, надо Штоца насчет той истории повнимательней порасспрашивать. – Дрон кинул на Креста многозначительный взгляд. – Все, давай иди отряд проверяй, а я еще здесь осмотрюсь.

Я поплелся вслед за Крестом. Ну вот, и так всегда: только появилась возможность подзаработать, как начальство сразу все похерило. Не было никаких сомнений, что к этому времени все зомби уже выпотрошены и мне придется довольствоваться кольцом и цепочкой.

Выйдя на дорогу, я пошел искать свои вещи и по пути наткнулся на Макса и Шурика, которые притащили мой вещмешок, лыжи и ружье.

Шурик хлопнул меня по плечу:

– Спасибо, в общем, выручил.

– Да ладно, чего там. – Можно подумать, Ермолов меня никогда не прикрывал.

– С нас в Форте выпивка, – продолжил уже Макс.

– Выпивка – это хорошо. – Я огляделся. Кое-какой порядок уже восстановился. Зомби оттаскивали на обочину дороги, штопали пару раненых. Убитых оказалось четверо: Шестаков и Лещ, попавшие под заклинание некроманта, и двое из охраны Дрона, разорванные зомби. Серьезных увечий вроде ни у кого не было, но некоторые получили много мелких ранений, которыми сейчас занимался целитель.

Заметив, что мы болтаемся без дела, Крест послал нас делать волокуши.

– Своих мертвых заберем с собой, похороним на погосте у Нижнего хутора, – добавил он и почему-то уставился на меня. А что я? Возражать буду, что ли? Или это он мне Лысого припомнил?

Где-то через час все дела были сделаны, и отряд продолжил движение. Чтобы наверстать упущенное время, приходилось идти быстрее. Ночевка посреди болота никого не привлекала. Нам бы вообще-то еще сегодня до Форта добраться надо. Но выдерживать заданный темп оказалось нелегко, тем более что требовалось по очереди тащить волокуши с четырьмя трупами. Сказывались усталость и полученные ранения. У кого-то снова открылись не до конца зажившие раны, но отрядный целитель Хирург так вымотался, что помочь уже ничем не мог.

Помог случай. Когда мы вышли к развилке на Нижний хутор, из-за рожицы со стороны Форта показались сани, запряженные тройкой лошадей. Сани сопровождали двое верховых. Завидев наш отряд, тройка остановилась, а всадники направили коней вперед. Доспехи, мечи. Сразу видно, что Братство. На подъехавшем рыцаре был длинный меховой плащ, прикрывавший пластинчатые латы. Ноги выше сапог закрывали поножи, голову защищал подбитый мехом шлем. С одной стороны седла был приторочен налучень с луком и колчан, с другой – овальный деревянный щит, усиленный стальными полосами. Длинный меч в ножнах висел на поясе. Шлем оставлял открытым лицо, только стальная стрелка прикрывала нос. Короткая, аккуратно подстриженная борода обильно посеребрена инеем.

Крест, похоже, его знал. По крайней мере, когда он вышел вперед, а всадник остановил рядом с ним своего вороного жеребца, им хватило всего пары минут, чтобы о чем-то договориться. Рыцарь выпрямился в седле, дал команду братьям приблизиться и спрыгнул на дорогу размять ноги. Подъехали и остальные. Второй всадник был экипирован примерно так же, как первый, только вместо лука у седла болтался арбалет. На санях кроме возницы и единственного пассажира на полозьях сзади располагалась еще пара братьев. Эти одеты попроще. Длинные кожаные куртки с нашитыми железными кольцами, наручни, мохнатые меховые шапки. Вооружение составляли арбалеты, длинные кинжалы, боевой топор у одного и бердыш у другого. И в специальных петлях короткие посохи чуть тоньше запястья – жезлы, заряженные «свинцовыми осами». Чародейские аналоги пистолетов-пулеметов не позволяли поражать цели на дистанции свыше полутора метров, но в остальном ничем не уступали механическому оружию. Разве что перезаряжать их куда более муторно.

– Это что за клоуны? – выдохнул стоящий рядом со мной Макс.

– Братство. Похоже, что-то ценное везут. – Я был твердо уверен, что заметил приклад, не до конца прикрытый набросанным на днище саней тряпьем. А Братство нарушало свои принципы только в исключительных случаях. Кроме того, от закутанного в длинную шубу пассажира доносился вполне различимый запах химических реактивов. Этот запах у меня твердо ассоциировался с чародеями, которые в процессе наложения чар использовали множество различных ингредиентов. Учитывая, что большая часть чародеев, не выдержав конкуренции со

стороны Гимназии, давно работала на Братство, напрашивался вполне логичный вывод о том, что это чародей и есть.

– Эй, Лед! Совсем зазнался, старых друзей не узнаешь? – заорал второй всадник, спрыгнувший с лошади и уже направлявшийся ко мне.

– О, Рома! Ты б еще бороду до пупа отрастил, узнавай тебя тогда! – Я и в самом деле его сначала не признал, но не такие уж великие мы с ним друзья. Так, знакомые. После тренировок на базе Братства в одной компании в «Цапле» тусовались. А он с последней нашей встречи неплохо устроился: выглядывавшая из-под плаща усиленная стальными зеркалами кольчуга и шлем с мелкого плетения бармицей стояли дороже всего моего снаряжения и оружия вместе взятого. Я уж молчу про наложенные на доспехи чары. – Растешь, однако. Через пару лет, глядишь, и гвардейцем станешь.

– Да не. Я ж с детства с лошадьми, вот и мечу в рыцари. – Он расплылся в улыбке и, подхватив меня под руку, потащил подальше от толпы на обочину дороги.

– Тоже цель, лет через пятнадцать, может, и получишь золотые шпоры, – подколот его я. Хотя если учесть, что в Братстве едва ли наберется два-три десятка рыцарей, это не совсем и шутка.

– Ну и на что это вы нарвались?

– Да с чего ты взял? – прикинулся я шлангом.

– Можно подумать, Крест сейчас нам ваших кадров всучить пытается, потому что они на саях никогда не катались! – Рома махнул рукой в сторону тройки.

Я повернулся. Действительно, пару наиболее тяжелораненых из отряда уже укладывали в сани.

– На зомби. Недалеко отсюда – сразу после холмов. – Я обратил внимание на высовывающийся из притороченного к седлу чехла посох. Дерево жезла обвивала широкая серебряная полоса. Что-то новенькое чародеи выдумали. Да и арбалетные болты больше миниатюрные крылатые ракеты напоминали.

– Много их было? – на глазах помрачнел Рома.

– Рыл пятьдесят плюс некромант.

– Мать твою! – Рома быстро огляделся. – Не знаешь, кто это был?

– Крыс. – Я не видел смысла отмалчиваться, а хорошие отношения с Братством очень даже могут пригодиться.

– Еще не лучше. А никого из банды Семы Два Ножа с ним не было?

– Так ее же всю вырезали? – изобразил я удивление. Сам услышал об этом сегодня первый раз, и мне была интересна реакция Ромы.

– Ага, вырежут их, как же, – процедил он с явно слышимой досадой и добавил уже еле слышно: – Разделились, значит.

Рома о чем-то задумался, и я поспешил воспользоваться ситуацией:

– А чего вы чародея с собой тащите?

– Учужал все-таки? Еще у нас в саях МРПК. И вот это. – Он на мгновение распахнул тяжелый плащ и как-то непонятно усмехнулся. – Побегу я. Даст Бог – свидимся.

– Стой! Что за МРПК? – не понял я.

– Магический аналог РПК, новая разработка. – Рома вскочил в седло и направил лошадь вслед за удаляющимися саями.

Я пошел догонять отряд. Не думаю, что он пошутил насчет пулемета. Да и на поясе у него висели знатные игрушки – пара закрепленных в специальных сетчатых мешочках стеклянных шаров с переливающимся содержимым оранжевого оттенка. В толстом стекле серебрились вплавленные отпечатки пальцев. Такие заряды делали только чародеи Братства, и по взрывной мощи они намного превосходили гранаты. Кроме того, защититься от взрыва шара магическим путем было куда сложнее, чем от осколков обычных гранат. Стоили эти артефакты

бешенные деньги, в открытую продажу никогда не поступали, и наличие столь серьезного арсенала у Ромы могло свидетельствовать только о том, что в саях везут что-то очень и очень ценное. Или кто-то думает, что в них это везут.

Стоило мне догнать отряд, как тут же подскочил Шурик.

– Объясни этому. – Он подтолкнул ко мне Макса, а сам направился в сторону валькирий.

– Ну и что тебе объяснить?

– Да насчет Братства. Почему они только холодным оружием пользуются?

– Философия у них такая. Сила духа и тела, внутренняя энергия и прочая муть. Ну и доставать патроны и новое оружие становится все сложнее. Через границу туда-сюда не поскачешь. А со своим сюда мало кто попадает. Вот они на перспективу и ориентируются.

– Но ведь сейчас мы бы могли их запросто перестрелять. Ладно, они на снежных людей нарвутся, а если на простых бандитов? А...

Макс еще что-то хотел добавить, но я его остановил:

– Не факт, что мы бы их перебили. А знаешь, почему? – Сделав паузу, я посмотрел на Макса, тот покачал головой, и я продолжил: – А потому, что в Братстве есть хорошие чародеи, которые делают не менее замечательные амулеты. И эти замечательные амулеты прекрасно отводят пули от своего владельца.

– И что, пули вообще не попадают?

– Ну, если в упор только. Да и то не всегда. А так средний амулет пять обойм «макарова» запросто держит. Потом подзаряжать надо, а то сгорит. Только Братство средненькими амулетами не пользуется – у них все самое лучшее. – У меня тоже был не самый плохой амулет, но по понятным причинам я об этом не распространялся.

– Ни фиги себе! И дорого они стоят? – Похоже, идея приобрести амулет не на шутку заинтересовала Макса.

– Стоят дорого, да и достать сложно. – Свой амулет я смог приобрести только через хорошего знакомого в Братстве. Амулет был списанный, обошелся мне не больше чем в треть своей реальной стоимости, но и эту сумму пришлось откладывать почти три месяца.

– А че так?

– Дак делают их только чародеи и маги, у колдунов руки не оттуда растут. Лучшие чародеи давно в Братстве, а магов в Форте можно по пальцам пересчитать, – объяснил я. Вообще, колдуны амулеты тоже мастерят, но в основном атакующие или защищающие от ментального воздействия. Да и основой для наложения чар им служат не кристаллы или металл, а дерево и кость.

– Жаль. А стрелы они тоже отводят? – Макс покосился на валькирий. За время патруля он успел проникнуться уважением к их длинным лукам.

– Стрелы нет. – Когда я сам интересовался этим вопросом, знакомый чародей залез в такие теоретические дебри, что у меня мозги закипать начали. Понял только, что заклинание воздействует не на скорость, а на массу объекта. Увеличение массы приводит к росту потребляемой магической энергии не пропорционально, а в квадрате. Или в кубе? Не помню. – Там ограничитель по массе стоит, а то пара стрел или хороший булыжник и все – сдох амулет.

– Хорош, Лед, Макс по ушам ездить, есть такие амулеты. – К нам незаметно подошел Серега Вышев. Интересно, как ему с вывихнутой ногой удастся бесшумно подкрадываться? – Они с центральным энергопитанием, действуют в таком режиме только недалеко от базы. У Сестричек, например, такие. Им их ведьмы клепают.

– А ты откуда знаешь? – не удержался я.

– Много будешь знать – скоро состаришься. Давай, двигай вперед, тебя Дрон зовет.

– Ему-то что надо?

– Не знаю. Похоже, у Кота снова какие-то предчувствия, – пожал он плечами.

Опять попадалово какое-нибудь. А ведь хутор вот-вот показаться должен. В самом деле, с небольшого холма, на котором расположился Дрон, хутор был уже виден. И без всяких предчувствий Кота становилось понятно: что-то не так. Дома казались какими-то застывшими и неправильными. Не было в них жизни. Не подымался дымок над трубами, не сутились во дворах люди, а ворота в стене вокруг поселения были неплотно прикрыты, чего в этих местах не мог позволить себе никто. Крест долго рассматривал хутор в бинокль, потом повернулся к нам:

– Никого не видно.

– Надо послать кого-нибудь на разведку, – высказал свои мысли Дрон. – Кто хутор хорошо знает?

Можно подумать, меня просто так сюда позвали. И точно, так оно и оказалось.

– Лед и Кот, идете на хутор, Лариса и Алиса, вы их страхуете. Ян, занимай позицию на холме. Тополь, бери пулемет и выбери место, чтобы можно было отход прикрыть, – отдал распоряжения Крест.

Ян бережно поднял чехол со снайперской винтовкой и пошел выбирать позицию. Стас Топольев, подхватив ручной пулемет, потопал к поваленному дереву, лежащему на середине склона. Я зарядил в двустволку патроны с картечью и начал спускаться с холма. На ходу проверяя автомат, Кот направился за мной. Особого смысла скрываться не было. Будь там хоть кто-то живой, нас бы уже давно заметили. Повезло, одним словом. Если на хуторе засада, шансы остаться в живых у нас не очень большие. Если не сказать – очень маленькие. Не помогут ни луки валькирий, ни снайперка Яна. Единственная надежда на удачу да на то, что встречающие не успели как следует подготовиться.

– Что делать будем? – не оборачиваясь, спросил я у Кота.

– А что делать, зайдем да поспрашиваем: «А шо это тут у вас случилось?» – Он откашлялся, сплюнул и продолжил: – Ты как считаешь, они в Форт эмигрировали или их пришельцы забрали?

– Какие пришельцы? – не понял я.

– Ясен перец, какие – зеленые, на блюде летающем. – Кот достал «бычок» и, стараясь не обжечь пальцы, прикурил.

– Шутки у тебя. Ладно, я иду впереди, ты со своей тархтелкой меня прикрываешь.

Мы подошли к высокому забору, окружавшему хутор. На потемневших досках виднелась глубокая резьба: когда-то вложенное в нее заклинание было очень сильным, но обновляли его слишком давно. Все правильно, в последнее время нечисти в этих местах значительно поубавилось. Пройдя вдоль забора, мы вышли к воротам. Между не закрытыми до конца створками оставалось расстояние, в которое при желании мог протиснуться не очень упитанный человек. Внимательно осмотрев через щель внутренний двор, я не заметил ничего подозрительного.

– Смотри, – ткнул меня в плечо Кот. – Следов на снегу нема.

И точно, нет следов. Значит, по двору никто не ходил, по крайней мере, с ночи – снегопад закончился задолго до утра. Я присел, прислонившись спиной к забору:

– Вымерли они, что ли?

– Или свалили отсюда еще вчера, или это не бандиты. Не думаю, что они в холодных хатах полдня без движенья сидят, нас дожидаются.

– Вот именно, не бандиты и не факт, что люди. У тебя патроны с серебряными пулями есть?

– Одна обойма. – Кот на всякий случай дослал патрон в ствол, сунул ТТ обратно в кобуру, но застегивать ее не стал. – Все, ждем валькирий и идем внутрь. А вот и они.

Девушки бесшумно вынырнули из-за угла забора и остановились рядом с нами.

– Мы будем у ворот, отсюда весь двор простреливается. – Одна из Сестер достала из кобуры «стечкин», вторая наложила стрелу на тетиву.

– Здесь так здесь. Смотрите, девоньки, нас по ошибке не продырявьте. – Кот выкинул докуренный «бычок», затряс обожженными пальцами и повернулся ко мне. – Ну, шо, хлопец, расселся? Иди, лезь уже.

Я и полез, успев услышать, как Коту пообещали, что случайно его не подстрелят, совсем даже наоборот, будут целиться специально. Быстро протиснувшись в щель, я метнулся к какой-то заснеженной куче хлама и схоронился за ней. Времени расстрелять меня было и так предостаточно, но нарываться на рожон смысла нет. Под прикрытием кучи добрался до крайнего с левой стороны строения. Если не ошибаюсь, это хлев. Сквозь створки ворот проскользнул Кот и, держа на прицеле окна противоположных домов, присоединился ко мне. Я приоткрыл дверь хлева и, пригнувшись, заглянул внутрь. Пусто. Кучки навоза на полу – и все. Никакого больше намека на скот. Кот прислонился к стене рядом с дверью и продолжал контролировать двор.

– Дальше куда?

– Продолжим по часовой. Заглянем к колдуну и в кузницу. – Ничего другого мне на ум не приходило.

– Двинули.

Я вышел из хлева и, держась поближе к стене, осторожно выглянул за угол. И сразу же остатки надежд, что хуторяне сами куда-то уехали, испарились. За хлевом находились собачьи будки, рядом с которыми на цепи всегда сидела пара здоровенных волкодавов. Они и сейчас были там. Вот только у одного была разmozжена голова, а второго отшвырнули в сторону с такой силой, что рывком цепи ему свернуло шею.

Переводя оружие от одного окна к другому, мы с Котом добежали до домика колдуна. Распахнутая дверь скрипела на ветру, и, чтобы осмотреть всю комнатку, внутрь заходить не потребовалось. Колдун сидел в своем любимом кресле. Старика можно было посчитать спящим, если бы не рукоятка ножа, торчащая из солнечного сплетения. Здесь мы задерживаться не стали: спрятаться в крохотной комнате негде, а время на тщательный осмотр еще будет.

Следующей стала кузница. Ее единственное окно было выбито, и перед тем как зайти внутрь, я осмотрел помещение через него. В сумраке виднелись две распластанные у печи фигуры, но разглядеть что-либо конкретное не удавалось. Распахнув дверь и заскочив внутрь, я первым делом взял на прицел лежащие на полу тела: мало ли кто трупом прикидывается. Предосторожность оказалась излишней, больше в кузнице никого не оказалось, а тела и не думали оживать. Кот зашел следом, прикрыл дверь и устроился у окна. Ну и что здесь произошло? Один из мертвых кузнец, кто второй – непонятно. Одет так, словно только что встал из постели. Было видно, что именно в этой одежде он и умер, после смерти с него ничего не снимали.

– Видел этого здесь когда-нибудь? – спросил я у Кота, который бывал на хуторе чаще меня.

– Ты думаешь, его можно опознать? А так... вряд ли местный.

Действительно, воссоздать прижизненный облик мертвеца было по силам только очень хорошему специалисту: его лицо буквально сплющили ударом кузнечного молота. Сейчас следивший с рукояти молот валялся поблизости. Пол вокруг был залит черными пятнами подсохшей крови. Словно изуродованного черепа показалось недостаточно, обломок рукояти, раздробив ребра, воткнули в грудную клетку. Осмотрев труп кузнеца, я обнаружил в боку обломанное лезвие ножа. К тому же для верности ему перерезали горло. Видно, что его врасплох застать не удалось и сопротивлялся он до последнего. Побледневшие пальцы до сих пор сжимали железный прут, которым скотине выжигали клеймо Нижнего хутора, – круг, вписанный в треугольник.

– Ну что?

– А шут его знает. Пойдем, дома проверим.

Мы начали проверять все дома, но ничего странного больше не обнаружили. Практически все вещи, которые запомнились по предыдущим посещениям, были на своих местах. Создавалось впечатление, что все просто встали посреди ночи и, даже не одевшись, куда-то ушли. На нервы это действовало угнетающе.

Когда добрались до дома старосты – последнего оставшегося неосмотренным дома на хуторе, – наши нервы были уже напряжены до предела. Заметь мы хоть какое-то движение, не задумываясь, открыли бы огонь. Кот рванул дверь, я, держа двустволку наготове, запрыгнул внутрь, но никто на меня не бросился. Да и стрелять тоже причин не было. Все пропавшие хуторяне аккуратно рядами лежали прямо на полу. Словно они повылезали из постелей, разлеглись здесь, да так и не проснулись. Быстро осмотрев несколько трупов, я у всех заметил небольшие парные ранки на шее. Темно-синие, они были хорошо заметны на белой коже.

– Похоже, здесь вампиры побывали, – подошел я к Коту после осмотра всех комнат. – Судя по покусанным, не меньше десятка. Шесть-семь минимум.

Тот присвистнул:

– Точно вампиры? Может, вурдалаки или упыри?

Его удивление понять можно. Вампиры встречались очень редко и друг друга на дух не переносили. А тут сразу десяток! Без специальных проверок отличить их от человека практически невозможно, и этим они были особенно опасны.

– Да нет, вампиры. – Я устало присел на краешек скамейки, но ружье убирать не стал. – Будь это вурдалаки, тут бы по всему хутору куски тел валялись. А упыри – это те же мертвяки, только кровь пьют. Следы от зубов остались бы, а тут две дыры – и все. Да и не смогли бы упыри всех сюда согнать.

– Дела, блин. – Кот полез за очередным «бычком».

– Так, ну мы вроде бы все осмотрели? Пошли отбой давать, пусть начальство выводы делает.

– Да вроде все, только подвал остался...

Подвал! Мы с Котом переглянулись и, очевидно, на ум нам пришла одна и та же картина: десятки спящих вампиров, пробуждающихся от дневного сна. А закат уже близко. На маленьких хуторах подвалы в промерзшей земле обычно не копают, но в прошлый приезд староста хвастался своим новым погребом. В нем запросто мог поместиться не один десяток людей. Не сговариваясь, перепрыгивая по пути через трупы и лавки, мы с Котом метнулись на кухню, где находился спуск в подвал. Ухватившись за кованое кольцо, я с трудом начал поднимать массивную крышку люка. У Кота в руке появилась граната. Он перегнулся через край люка и с облегчением выдохнул:

– Пусто!

Выйдя к воротам, мы крикнули валькириям, что все в порядке. Весь отряд потянулся к хутору. Дрон расставил караульных и пошел осматривать дома.

– Сами на постой пустили, – через некоторое время сделал вывод он.

– Угу, сами, – поддержал его Крест. – Ночью они зачаровали всех, кто спал. А колдуна и кузнеца пришлось убрать: думаю, они спать не собирались ложиться. Да и зачаровать их не так просто.

– А часовые тогда как? Не могли же и они заснуть? – спросил я.

– Думаешь, сугробы снега во дворе просто так намело? Там часовые и лежат, – мрачно усмехнулся Крест и добавил: – Надо в Форт скорее сообщить. Может, перехватят.

– Сообщим, конечно, только не выступать же на ночь глядя? Здесь заночуем, а завтра с утра в Форт пойдем. – Дрон о чем-то задумался, потом обронил как будто нехотя – Мертвых похоронить надо.

– А может, их того... осиновыми кольями сначала? – Кот был ветераном и в разговор начальства встревать не боялся.

– Заняться нечем? – Дрон усмехнулся и нацелил указательный палец в грудь Кресту. – Только хороните на освященной земле. Не хватало еще упырей под боком развести.

Крест не стал откладывать это дело на потом:

– Хобот! Организуй людей, надо мертвых на погосте похоронить, пока совсем не стемнело. И скажи Хирургу, пусть заупокойную читает.

– И сколько мы могилы копать будем? Может, сожжем лучше? – предложил сержант.

– Ага, и пустим весь хутор на погребальный костер? Выкопайте братскую, до темноты успеете.

– Хобот то, Хобот се, – отойдя, пробурчал сержант. – А меня, между прочим, Андреем звать.

– Я тебя и буду звать Андреем. – Сержант пробормотал жалобу немного громче, чем следовало, и Крест все прекрасно расслышал. – Не успеете до заката с могилой, так и скажу – рядовой Андрей Кузьмин, а ну-ка, выкопай траншею отсюда и до рассвета.

Хобот втянул голову в плечи и, ускорив шаг, отправился выполнять приказ.

Мы с Котом в процессе погребения не участвовали и пошли выбирать, где бы устроиться на ночлег. В конце концов решили остановиться в домике колдуна. Маленькое помещение прогреть проще, а здоровенный камин позволял сделать это достаточно быстро. Вместе с нами решили остановиться Макс и Шурик, который, к нашему изумлению, уговорил присоединиться обеих валькирий.

Я разжег две лампы, огонь в камине и сел перед очагом. Принеся от колодца котелок с водой, Кот отправился разжиться чем-нибудь съестным. Вскоре комната прогрелась, я уселся на снятую фуфайку и продолжал смотреть на огонь. Языки пламени весело танцевали на березовых поленьях и время от времени выплевывали длинные искры. Снова появился Кот, разложил припасы и принялся что-то сыпать в закипевшую в котелке воду.

– Запасы почти не тронуты. А все ценное и по размерам небольшое они с собой уволокли. – Кот перестал помешивать в котелке, принялся и добавил каких-то специй. – Интересно, зачем они скот с собой угнали?

– В Форте продадут.

– Окстись, скот клейменный. Засветятся.

– Тогда даже не знаю.

– Может, у них свой хутор есть? – задумчиво протянул Кот.

– Да ты гонишь, – хмыкнул я и потормошил кочергой поленья. Хутор, заселенный вампирами? Бред. Вампиры – не люди. Или правильной: нелюди? Укушенный не станет вампиром ни при каких обстоятельствах – неупокоенным – запросто, но не вампиром. Чтобы на одном хуторе обитал десяток кровососов? Чужь собачья!

Шурик и Макс появились, когда похлебка была готова, а мы с Котом уже поели. Следом за ними пришли валькирии. В небольшом помещении сразу стало тесно. Пришлось выкинуть на улицу большое кресло и кровать. Пол застелили тюфяками, которые парни притащили из жилых домов.

– Помянуть бы парней, земля им пухом, – постучал пальцами по полу Кот.

– Да, Лещ и Валя парни были что надо, – согласился Шурик. – А вот новеньких я даже по именам не знал. Откуда они, кстати?

– С первой роты в том месяце перевелись. – Я лег, вытянув ноги.

– Повезло, блин.

– Угу.

– А вы вампира видели? – Макс выскреб густые остатки похлебки из котелка.

– Какого такого вампира? – прищурился Кот.

– А который в кузнице дохлый валялся.

– Это вампир? – не поверил я. – С чего ты взял?

– Хирург вскрытие провел. – Шурик искоса взглянул на заинтересовавшихся девушек. – Два сердца, клыки, все дела. Непонятно только, почему его с собой не уволокли.

– Не было времени? – предположил Кот. – Или загрузились по полной?

– Хоть закопали бы.

– Все равно бы нашли. – Кот отсоединил рожок от автомата и положил рядом с собой. – А они торопились. Поэтому и хутор до конца не вычистили.

– Как бы не вернулись, – усмехнулся я, – вот номер будет.

– А Дрон здесь пять человек оставить хочет, – сказал Макс, дуя на остывающую в ложке похлебку.

– Смысл?

– Говорит, теперь на хуторе база Патруля будет. Потом из Форта кого-нибудь пришлют. В ссылку, блин...

– Ага, месяца через два, – пробормотал Шурик. По его тону сразу стало понятно, что идея Дрона его не воодушевила. И причина этому могла быть только одна.

– Тебя что, здесь оставляют? – спросил я у него, подкидывая очередное полено в камин.

– Ну да. Дрон, блин, удружил.

Мы с Котом заржали. Макс недоумевающе уставился на нас:

– А чего плохого? По холоду тащиться не придется.

Конечно, возможность отдохнуть – это хорошо. Вот только Шурик явно рассчитывал развить свое знакомство с валькириями в Форте. А Дрон его обломал. К тому же придется переждать на хуторе три дня лазурного солнца – лично у меня от такой перспективы встали бы дыбом волосы, и притом не только на голове.

– А не опасно здесь оставаться? Если весь хутор вырезали, что пятеро смогут сделать? – с едва заметной улыбкой поинтересовалась одна из валькирий.

Смотри-ка, прорезались. Честно говоря, думал, что они так и промолчат весь вечер.

– Опасно? Ничуть. Вампиров они сами пустили. А нам Стас пулемет оставит, да и ограда нечисть не пропустит – Дрон обещал заклинание обновить. – Шурик с жаром начал расписывать возможные варианты защиты хутора от нападения. Постепенно от этой темы он перешел к своим обычным байкам.

Я достал точильный камень и стал выправлять зазубрины на лезвии топора. Кот чистил автомат. И только Макс откровенно маялся без дела. Наконец он не выдержал и пристроился у стены рядом с Котом:

– Слушай, а ты как сюда попал?

– Куда сюда? – не понял Кот.

– Ну, в Приграничье. Ты же не местный?

– Нет, не местный. Года три назад на машине решили дорогу срезать. Вот и срезали. – Кот вздохнул о чем-то своем и начал собирать автомат.

– А я отлить из автобуса вышел. Вернулся – ни автобуса, ни дороги. – Макс тихо засмеялся. – Сначала думал – заблудился. Как до Форта дошел, до сих пор не понимаю.

По-разному к нам люди попадают. Тех, кто здесь с самого начала, выжило не столь уж и мало, но в Патруле таких почти не было. Максу еще повезло – думал, заблудился. А что было думать мне, когда, выскочив на какой-то остановке из вагона за пивом, я обнаружил заброшенную станцию, а обернувшись, не увидел ни поезда, ни рельсов? На всей станции нашелся только один живой человек – девушка, которая тоже сошла с поезда. Стоп! Об этом лучше не думать. Нет больше той девушки, есть валькирия. Да и пацана того давно уже нет.

Неожиданно мне показалось, что меня кто-то пристально рассматривает. Повернув голову, я встретился взглядом с одной из валькирий. То ли Лариса, то ли Алиса – кто из них кто, раньше меня нисколько не интересовало. Взгляд я отводить не стал, но по привычке начал смотреть на девушку как бы сквозь, контролируя ее движения в целом. Опасно смотреть людям

в глаза. Знающему человеку ничего не стоит зачаровать собеседника, встретившегося с ним взглядом.

– А ведь правду говорят, страшный ты человек, Лед, – сказала валькирия с каким-то странным выражением.

Шурик даже чуть не подавился от смеха:

– Зря ты так. Лед, конечно, не красавец, но и до Квазимодо ему далеко.

– Да я не про то, – досадливо поморщилась Алиса или Лариса. – Просто по большинству людей можно сразу понять, чего от них ждать. А вот посмотри на него. Вроде мягкий и пушистый, глаза добрые-добрые, а сам наверняка прикидывает, куда нож воткнет.

Я хмыкнул. Именно этим сейчас и занимался – на случай, если разговор примет нежелательный оборот.

– А кто тебе, интересно, про меня говорил? – Я с любопытством уставился на Алису. Или Ларису. Разницы-то никакой.

– Да так, есть люди. – Отвечать на вопрос она не хотела и, похоже, уже сама жалела, что затеяла этот странный разговор.

После этого беседа заглохла как-то сама собой. От тепла и сытного ужина начало клонить в сон. Никто не стал возражать, когда Кот потушил лампы: вставать завтра придется ни свет ни заря. Зато уже к обеду будем в Форте. Если все пойдет как надо. Если...

Глава 3

До окрестностей Форта отряд добрался после полудня. Казалось бы, за время патруля можно было и привыкнуть к подобным марш-броскам, но нет: дышалка сдохла, ноги еле двигаются, а рубашку впору выжимать. Впрочем, и остальные не лучше. Более-менее ровно идут, не забывая посматривать по сторонам, только Крест с валькириями, большинство же просто тупо переставляют ноги. И никакого второго дыхания. А ведь сколько раз слышал, что даже лошади при приближении к конюшне ускоряют темп. Ну, уж по нашему-то виду никто не скажет, что до Форта осталось всего ничего. Это и понятно: лошади ж твари неразумные, а человек – венец природы.

Постепенно начали попадаться признаки близкого обитания человека: развалины зданий, полусгоревшие кучи мусора, проржавевшие куски железа и торчащие из-под снега пеньки спиленных деревьев. Трехэтажная школа слева от дороги выглядела на этом фоне инородным пятном: она практически не пострадала от непогоды и визитов охотников за бесхозными строительными материалами. Странно. Все ближайшие постройки давно уже по кирпичику растащили, одни только фундаменты и торчат. Хорошо хоть дорога делает крюк и к школе не приближается, не то запросто можно было получить оттуда какой-нибудь нехороший подарок. А так нас, наверное, только из снайперки и достать. Учитывая, сколько стоят патроны к снайперским винтовкам и как редко они попадают, никакому нормальному человеку и мысль в голову не придет тратить их на наш отряд. Разумеется, хватает и не совсем нормальных, да и полные отморозки время от времени попадают, но у них таких денег быть просто не может.

По обочинам дороги торчали бетонные столбы с обрывками проводов. Несколько раз из-под снега выступали помятые остовы автомобилей. Обычно их украшали пулевые отверстия, чуть реже следы когтей. Ржавые, перекрученные и загнутые во все стороны листы железа раньше были трансформаторной будкой. Представления не имею, что с ней приключилось. А что произошло с разорванным пополам автобусом, и гадать нечего: кто-то не пожалел фугаса. Мрачноватое зрелище, но ко всему привыкаешь.

Так, а это еще что такое? Короткая автоматная очередь заставила воронью стаю рассыпаться на несколько десятков галдящих птиц. Чего они сюда слетелись? А, понятно. На покосившейся опоре линии электропередачи висело пять тел. Не поленился же кто-то их туда затащить: расстояние от висельников до земли превышало полтора десятка метров. Опять, наверное, дружинники бандитов прихватили, нормальные люди такой ерундой не занимаются. Тоже мне, акция устрашения. А потом еще удивляются, почему их всерьез никто не воспринимает. Главное, чтобы никого на опору лезть не послали, а то ждать замучаемся. Обошлось. Оно и понятно, чего там после ворон разглядеть можно? До костей, поди, уж обклевать успели. В штаб сообщим, пусть сами разбираются. Дальше двинули.

Стоявший среди руин около обочины пятиэтажный жилой дом, казалось, мог обрушиться в любой момент: по стенам ветвились широкие трещины, крыша в паре мест провалилась, балконы бетонными обломками сгрудились вниз. Обманчивое впечатление, стоившее на прошлой неделе жизни десятку дружинников. Никто в Дружине и не думал, что в этой развалюхе можно устроить засаду. Зато об этом подумали налетчики, которых до сих пор не нашли.

Черные провалы окон с вырванными рамами безмолвно следили за нашим приближением. Мы смотрели на них с гораздо большим вниманием. Снаряд в одну воронку дважды не падает, да и заминировать дом после того случая собирались, и все же...

Обошлось. Развалины остались за спиной. Но расслабляться не стоило: дальше дорога проходила через бывший гаражный кооператив, на территории которого было немало мест, словно специально предназначенных для организации внезапного нападения. Да и от нежити все ямы и завалы при всем желании вычистить невозможно. Вот и приходится передвигаться

чуть ли не черепашьями темпами по окружному пути, заглядывая во все встречающиеся провалы. Когда мы выбрались из лабиринта погребенных под снегом бетонных обломков гаражей и искореженных автомобилей, я взмок окончательно. Пронесло на сей раз. Дальше места пойдут расчищенные и для нападения пригодные мало. Почти дошли.

Нет, все-таки это не северная промзона! Просто развлекательная прогулка какая-то! Вот в районе цементного завода нападения нужно ждать из-за каждого угла. Те, кто этим пренебрегает, обычно обратно не возвращаются. Но даже постоянная готовность дать отпор не является залогом успешного завершения патруля. А в этом отношении успехом считалось просто вернуться в Форт с первоначальным количеством конечностей. Развалины завода давали приют просто несчетному количеству самых разнообразных существ, а также ненормальных, промышлявших на них охотой, и мелких банд, резавших всех подряд. Патруль еще пытался худо-бедно контролировать пару центральных улиц, а на зачистку всего района ни сил, ни средств уже не хватало. Дружина в этом деле нам не помощник – они за пределы городских стен нос лишний раз высунуть боятся. Только когда совсем начальство прижмет.

Форт показался, когда мы миновали низину. Бывший центр захолустного северного городка – а теперь самое крупное поселение в северо-западной части Приграничья – расположился посреди освобожденного от развалин и обломков пространства. Сложенные из бетонных плит и шлакоблоков высокие стены вовсе не становились симпатичней от оранжевых и желтых заплат кирпичей. По верху шло несколько рядов «егозы», а через каждые сто – сто пятьдесят метров возвышались сторожевые вышки. Для большего эффекта лезвия среднего ряда колючей проволоки были посеребрены, а на внутреннее кольцо при малейших признаках опасности подавали напряжение. Башни шурились узкими проемами бойниц, с их высоты открытое пространство просматривалось прекрасно, и пробраться незамеченным к стене мог, пожалуй, только невидимка. Хотя серьезных нападений на моей памяти не случилось, начальник гарнизона не давал служивым расслабляться и чуть ли не еженедельно устраивал проверки. Ночью подкрасться было ничуть не легче: на электропитание прожекторов уходила большая часть энергии, вырабатываемой единственной сохранившейся ТЭЦ.

Дорога шла не напрямую к Форту, а, не доходя до стены метров сто, сворачивала по открытому пространству на север. Срезать путь никто не пытался: земля вокруг стен была густо засеяна противопехотными минами, магическими ловушками и волчьими ямами. Вот и приходилось тащиться мимо башен к западным воротам и надеяться, что часовые с недосыпа не примут возвращающийся отряд за ватагу бандитов или хуже того – ледяных ходоков. Установленные на вышках крупнокалиберные пулеметы были способны справиться с куда более серьезной угрозой, чем полтора десятка человек. А уж если вспомнить об авиационных пушках и огнеметах, то становилось совсем тошно. Пушки монтировались не в башнях, а на верхних этажах жилых домов, которые оказались вмурованы в стену Форта и стали ее частью. Мимо одного из таких зданий с наглухо забетонированными оконными проемами мы сейчас и проходили. Хорошо хоть днем возвращаемся. Пусть сейчас и слепят отблески солнца на отполированном ветром насте снега, но это в любом случае лучше, чем бьющие по глазам лучи прожекторов.

– Ну, и долго нам тащиться еще? У меня щас ноги отвалятся. – Макса качнуло, и он зацепил меня плечом.

– Ползи быстрее! Почти пришли уже. – Шедший сзади Вышев пихнул его в спину, протиснулся между нами и, обогнав еще пару человек, пристроился за Дроном. Во хромой дает! Еле ковыляет ведь, а все равно вперед лезет. Самый умный, блин! Понятно, что чем раньше в шлюз пролезешь, тем меньше ждать, пока идущих перед тобой проверят, но надо же и совесть иметь. Да ну и фиг с ним. Сзади кто-то матернулся, но сил на выяснение отношений уже не было. Ничего, глядишь, в кабаке морду набьют.

А вот и западные ворота. Под проход в Форт с этой стороны приспособили бывший подземный переход. Поэтому и приходилось каждый раз скатываться и карабкаться по заледенелым ступеням. Это еще ничего, на восточной стороне воротами служила труба ливневой канализации. Полсотни метров в полусогнутом состоянии – то еще удовольствие. Понятно, что западными и восточными воротами пользовались только патрульные, дружинники да ремонтные бригады, следящие за состоянием стен. Все остальные, в том числе и редкий автотранспорт, попадали в Форт с юго-востока, где был нормальный пропускной пункт.

В подземном переходе оказалось еще холодней, чем в продуваемом ветром поле. Промороженный воздух окутал ледяным одеялом, забрался под одежду и начал стремительно высасывать остатки тепла. Как в морозильнике, блин. На стенах белел толстый слой изморози, пол покрывала корка льда. Да, обленился гарнизон, раньше хотя бы наледь счищали. Потолок чернел темными провалами, в которых давно уже не было электроламп. В держателях факелов торчали лишь потухшие огарки, а единственным освещением с натяжкой можно было считать узкие щели под потолком в стене, перегородившей проход. Сквозь них пробивались лучи света, которые кое-как освещали нам дорогу.

Пару раз дернувшись, железный люк со скрежетом сместился в сторону. В освободившийся проход начали по очереди протискиваться бойцы отряда. Проверка человека проводилась минут за пять, так что когда подошла очередь, мои ноги порядком заоченели. Пролезая внутрь, я зацепился лыжами за край люка и едва не впечатался головой в стену шлюза, как это случилось в прошлый раз. Сзади, как всегда, лязгнула перегородка. Теперь можно и покемарить, тем более что ничего интересного в клетушке нет. На стенах ни окон, ни отверстий. За прошедшие посещения мне удалось рассмотреть только отдельные руны и части странной пентаграммы на полу. С помощью каких заклинаний или приборов нас тут просвечивают, неизвестно, но проверка проводилась самая серьезная. Помню, полгода назад одного из патрульных подменил серый перевертыш, так это обнаружилось уже через пару минут после того, как тот зашел внутрь шлюза. А мы с перевертышем общались никак не меньше недели. И это при том, что сопровождавший нас тогда Петр Линь считался одним из сильнейших колдунов Гимназии. Ну, может, не сильнейшим, но уж во второй десяток-то он входил однозначно.

Лязгнув, ушла вбок дверь. Я подхватил мешок и вывалился из шлюза. В небольшой комнате три на четыре метра находились три охранника: один сидел за высокой стойкой рядом с дверью, двое других торчали по дальним углам. Зарешеченная лампа над выходом заливала все помещение ослепительным светом.

– Ну и на хрена эта иллюминация? Сделайте послабее, глазам больно. – Я прикрыл лицо ладонью.

– Проходи живее. – Караульные не обратили на мою просьбу никакого внимания. Уроды. Понятное дело, в эту дыру загоняют только проштрафившихся.

В начинавшемся за дверью длинном коридоре было гораздо теплей, чем в подземном переходе, а через каждые пять метров под потолком светились тусклые лампочки. Дойдя до первой развилки, я повернул направо. Вот и арсенал. Теперь только избавиться от ружья и все – две недели свободы. Обычно перегораживающий дверной проем лист стали, приваренный на металлическую решетку, был открыт и из арсенала доносились возбужденные голоса. Оказалось, что за стоящим у стены столиком уже успел расположиться сосредоточенно тасовавший колоду карт Кот, а пара караульных сидела напротив и о чем-то спорила.

– Присоединяйся, в храп зарежемся. – Кот указал колодой карт на свободную табуретку.

– Не, спасибо. В другой раз. – Ага, делать мне больше нечего, как с тобой в карты играть. Кота даже шулером назвать нельзя: за руку его никто не ловил, но вот шла ему карта, и все тут. Караульные, те-то от скуки опухли, а мне все жалованье спустить совсем не с руки.

Длинная комната, где хранилось оружие патрульных, была когда-то давным-давно выкрашена в темно-зеленый цвет, пол покрывала коричневая кафельная плитка. Я прошел по узкому

проходу между стоящими с двух сторон шкафчиками и остановился перед своим. На покрытой осыпающейся хлопьями синей краской дверце был аккуратно выведен желтый номер: «771». Не знаю, откуда взялась такая нумерация – по моим подсчетам, оружейных шкафов в комнате было никак не больше шести-семи десятков.

Присев на корточки, я просунул ладонь под днище и вытащил висевший на загнутой проволоке ключ. В патруле он мне без надобности, а так хоть не потеряется. Замок со скрипом открылся, как обычно, заусеница на ключе уколола палец. Каждый раз собираюсь отшлифовать, но все руки не доходят. Да и замок маслом смазать не помешает. Выложив двустолку, оставшиеся патроны и лыжи, я захлопнул дверцу, закрыл замок и сунул ключ в нагрудный карман рубашки. Пистолет Лысого оставлять не стал, только вытащил его из кармана фуфайки и засунул на самый низ вещмешка.

На выходе у решетки уже успел разместиться заведующий арсеналом, который разогнал картежников и разложил на застеленном газетой столе разобранный автомат. Никакого, понимаешь, уважения к карточной игре. Правильно, сам-то он только в преферанс и играет. Причем играет очень даже неплохо. А вид, как у слесаря после запоя: весь какой-то помятый, армейский камуфляж в масляных пятнах самых разных форм и размеров, колени и локти протерты, а щетина запросто может поспорить по длине с остатками волос. Было Смирнову под полтинник, но из-за глубоких морщин, обветренного лица и лысины он выглядел старше своих лет. Услышав мои шаги, Петрович обернулся и повертел испачканными машинным маслом руками: «Мол, ручкаться не будем».

– Ну и как делишки? – Он потер тыльной стороной ладони лоб и поправил сдвинутое на затылок кепи.

– Да потихоньку, Петрович. Нормально. – Я остановился у выхода. С Петровичем пообщаться стоит. Мало ли чего в Форте за две недели произойти могло? Заодно насчет патронов не помешает договориться.

– Вы ж в Ключах были? Когда пиво привезут?

– Да я даже не знаю. Вроде к концу месяца собирались.

– Надо будет зайти к Яну. Заказать бочонок, пока не поздно. – Петрович задумался. – Слушай! Ты ж по-любому сейчас к Яну заходить будешь? Передай, пусть запишет на меня бочонок светлого.

– Да без проблем. А то Крис опять все на корню скупит, как в том месяце, – кивнул я. Если Крис выкупит весь завоз оптом, то снова придется платить в «Берлоге» двойную цену. Кроме как в Ключах, пиво больше нигде не варили, а попадавший время от времени с той стороны пастеризованный и разлитый в бутылки, пластик или жесть хмельной напиток с ним сравниться не мог. Надо по деньгам прикинуть, может, в самом деле, скинуться с кем-нибудь, выкупить бочонок. Жалко, Шурик в Нижнем хуторе застрял! – А, кстати, что насчет пайка?

– Талоны у сержанта на пропускной. Жалованье на следующей неделе обещали.

– Паяк в «Весне» получать или на склад завезли? – Я прикинул, успею ли отовариться прямо сейчас или стоит отложить это дело до завтра.

– В «Весне». Можешь продуктами взять, можешь там по талонам харчеваться. – Неожиданно Смирнов хлопнул себя ладонью по лбу. – Слушай, Лысого, говорят, волколак задрал?

– Ага! – Надеюсь, на мою гримасу внимания он не обратил.

– Не повезло. Ну, да с его фартом не в патруль ходить, а из дома нос не казать. – Петрович цыкнул зубом и покачал головой.

– А что такое? – Не слышал, чтобы у Лысого были какие-то проблемы.

– Да он в последний раз из «Серебряной подковы» без портков ушел, еще и должен остался. Даже нательный крест свой серебряный отдал. Все отыгаться хотел. Если масть не пошла – иди спать. Нет, все ж умные.

Лысый проигрался? Да еще и долг на нем повис? Как же он крест вернуть умудрился? Интересно. Может...

– А кому... – Договорить я не успел: в дверь влетел один из гарнизонных и сразу с порога заорал:

– Петрович! Интендант, сволочь, совсем оборзел! По последней заявке он реально только половину патронов выделил. Стас с пацанами два ящика с цинками приволок, а больше, говорит, не будет, и не надейтесь даже. Пойдем, тормознем его, пока не свалил!

– Ладно, Лед, увидимся еще. – И Смирнов выскочил в дверь. Я двинулся следом, но понял, что ближайшую пару часов ему будет не до меня: прижимистость и тяжелый характер интенданта были широко известны. Ну и ладно, успеется.

На пропускной меня тормознул пожилой сержант, сидевший с напарником в будке, толстое стекло которой было забрано мелкой железной сеткой.

– Ничего запрещенного не тащишь? Оружие, взрывчатку, несертифицированные артефакты?

– Да зачем же? Правила знаю, – усмехнулся я и с честным видом подошел к вертушке.

– Знают они, грамотные шибко, – пробурчал сержант, просунул в прорезь толстую амбарную книгу, после чего лязгнул запором и, отвернувшись к шахматной доске, продолжил, обращаясь уже к напарнику: – На той неделе один такой умник амулет, заряженный закатным муаром, протащить пытался. Нет, ты скажи, зачем они полных идиотов в патрульные берут? Ясно же на инструктаже говорят: все магические шмотки в досмотровой камере обнаружены будут. Нет, тащат. Двух недель не проходит, чтобы пронести не попытались.

– Да это их Ян с панталыку сбивает. Деньги хорошие за товар дает, вот и хитрят, придурки. – Второй контролер отхлебнул чай и переставил пешку. – И вообще, давно пора металлоискатель поставить.

Пистолет – не амулет, только если специально шмонать, найти можно. Так что я спокойно обмакнул перо в чернильницу и расписался за талоны. Сержант придирчиво осмотрел подпись, вытащил из железного ящичка отпечатанные на грубой желтой бумаге талоны и просунул мне. Отправив сложенные листы в карман рубашки и пройдя через вертушку, я оказался у лестницы. А насчет артефактов прав старый перечник: последнее дело их через шлюз пытаться пронести. Никому еще не удавалось. И думаю, не удастся.

Снова ступени подземного перехода, только теперь мне вверх. В Форте почему-то теплее, чем снаружи. Может, потому что ветра нет? Или мне только кажется? В любом случае не май месяц. Дурацкая присказка. Здесь и в мае такой дубак стоит, что зуб на зуб не попадает. Я огляделся по сторонам и двинулся по направлению к ближайшей двухэтажке. Дом этот нельзя было спутать ни с одним другим, находившимся внутри городских стен. И дело не в двух этажах: пятиэтажных и девятиэтажных домов как раз немного, ими в основном окраины застраивали. Главным отличием этого дома от других был его ухоженный вид. Все окна застеклены и даже вымыты, прорех в шифере нет, а свежая штукатурка бежевого цвета покрывала стены не только со стороны дороги, но и со двора. Над центральным подъездом сверкала начищенными медными буквами вывеска «Торговый дом «Янус». Место на первый взгляд для магазина неподходящее: от юго-восточного пропускного пункта – торговых ворот Форты – далеко, да и до центра топать и топать. Но вопреки этому торговля процветала. Все возвращающиеся через западные ворота патрульные спешили избавиться от трофеев и на вырученные деньги спрыснуть удачное возвращение в ближайшем кабаке. А за редкими вещичками сюда заходили перекупщики со всего Форты. Опять-таки люди, собирающиеся за стену, обычно вспоминают о разных недостающих мелочах в самый последний момент – не бежать же за ними через половину города? Да и Миша Чернов – пивовар из Ключей – свое пиво продавал исключительно через Яна, который был владельцем магазина.

– Лед! Подожди! – Макс выскочил из подземного перехода и, скользя на утоптанной и раскатанной дорожке, подбежал ко мне. – Слушай, а чего меня автомат в арсенал сдать заставили?! Он же не казенный!

– В Форте с огнестрельным оружием только дружинники могут появляться. Ножи, луки, топоры, арбалеты – это пожалуйста, а про ствол даже не думай.

– Дак мы ж патрульные! Чем мы хуже Дружины? – Макс начал горячиться и размахивать руками. Его понять можно, за время патруля с оружием сживаешься. Но и запрет на ношение огнестрельного оружия обоснован – слишком уж стволы привычными становятся. И любая пьяная ссора имела бы неплохие шансы закончиться не обычной поножовщиной, а настоящим сражением. А уж в Дружине как смертность бы взлетела! Поэтому у ворот организовали арсеналы: у западных и восточных только для патрульных, у юго-восточных – общедоступный. Дружинники пользовались хранилищами в околотках и центральном участке.

– Дружинники тоже только при исполнении с оружием таскаются. – Я поправил топор за поясом (все время сбивается, надо петлю какую-нибудь приспособить) и прикинул, что мне светит за ношение пистолета. Получалось, что ничего хорошего. Если запалят, вкатают на полную и отмазаться не получится. Это был один из немногих законов, соблюдавшихся неукоснительно, а второй раз на удачу мне рассчитывать уже не стоит. Но Макса я, похоже, не убедил и поэтому ткнул его кулаком в плечо: – И даже не думай, понял? Или на виселицу угодишь, или в штрафной отряд на северную промзону. Тебе оно надо?

– Да ладно, че ты в самом деле? – Он вскинул руки. – Понял я, понял. Какие планы на вечер?

– Не знаю, мне бы до дома доползти, а там видно будет.

– Давай вечером в «Берлогу» завалимся, я проставляться буду. Ты как?

– Да без проблем. Во сколько? – Выпить сегодня я собирался и так, а тут такой повод. Паренек-то соображает: первое возвращение из патруля, да еще и без единой царапины, отметить просто необходимо.

– Часов в шесть нормально будет?

– Договорились.

– Тогда до вечера. – Макс хлопнул в ладоши, поправляя перчатки, развернулся и потопал по дороге, ведущей к центру Форта.

Так, значит, до шести надо успеть все дела порешать. А сейчас сколько? Часами я как-то не обзавелся, но, судя по наметившемуся на прояснившемся небе бледному серпу месяца, у меня в запасе часа два, не больше. Стоит поторопиться. Пока трофеи сдам, пока до дома дойду, уже и время подойдет. А отложить торговое мероприятие никак не получится, жалование когда еще выплатят. Да и с Яном парой слов перекинуться надо.

Когда я подошел к зданию торгового дома, из распахнувшейся двери вышли Стас Тополев и тезка хозяина магазина Ян Ревень. Пулеметчик и снайпер весело ржали, видно, деньгами разжились.

Увидев меня, Ян щелкнул по кадыку и натянул перчатку:

– Пошли, Лед, до «Весны», туда сейчас Виталик подвалит. Выпьем по чуть-чуть, да и талоны заодно отоварим.

– Не, я в «Берлогу» вечером пойду, Макс проставляться будет. – Я ухватился за ручку двери и не дал ей закрыться. В «Весну» я захаживал получить паек или когда подходили к концу сбережения. Цены там не задирали, кормили прилично, а патрульных и в долг обслуживали. Хозяйка «Весны» ничем не рисковала: если должник не возвращался из патруля, деньги выплачивались из жалования, причитающегося покойному.

– Ну, как знаешь. Если что, заходи. – Кивнув на прощанье, парни спустились с крыльца.

– Эй, вы двое! Закройте дверь уже! – Судя по голосу, раздававшемуся из магазина, кричавший был в бешенстве.

Не обратив внимания на крик, я переступил через порог и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– А, это ты, Лед. – Приказчик вытащил ложечку из чашки с кофе и положил на блюдце. – Я думал, те два гаврика никак дверь закрыть не могут.

– Ничего, проветривать комнату тоже надо. Микробы, они, знаешь, свежий воздух не любят. Совсем как ты. – Я вытер валенки о коврик и прошел через полностью заставленную витринами и стеллажами комнату к широкому прилавку, за которым расположился приказчик. Поверх синего шерстяного свитера на нем был надет овчинный полушубок с отрезанными рукавами. На курчавых волосах словно приклеенная торчала черная вязаная шапочка. – Не жарко? Может, Вениамин, ты сам большой микроб?

– Ну что за день сегодня?! Сначала эти кровососом обозвали, теперь ты микробом. Сразу видно, люди с патруля в Форт вернулись. Без вас так спокойно было, ты даже не представляешь. – Вениамин закатил глаза, потом осторожно отхлебнул кофе и поинтересовался: – Ты по делу или просто погреться зашел?

– Ян Карлович у себя?

– Проходи.

Я и прошел. Вернее, попытался и едва не зацепился вещмешком за выступающий стеллаж. Со времени моего последнего визита и так неширокий проход в заднюю комнату стал еще уже. Я огляделся: так и есть, количество полок заметно прибавилось. А это только торговый зал, что у них тогда на складе творится?

– Присмотри за вещами. – Я скинул вещмешок с плеча, вытащил оттуда замотанный в тряпку меч и ногой запихнул мешок под полку. – Как вы только нужную вещь в этом бардаке находите?

– Зачем искать-то? Что под руку первое попадется, то и продаем. А за вещички не волнуйся, не думаю, что твои подштанники заинтересуют кого-нибудь из наших посетителей. – Вениамин промокнул вспотевший лоб носовым платком. – У нас уважаемое заведение, знаешь ли.

– И все же, будь любезен, присмотри. – Я развернулся и начал протискиваться между витринами, стараясь ничего не смахнуть на пол.

Массивная дубовая дверь была закрыта, но на мой стук изнутри почти сразу же откликнулись:

– Заходи, Лед, заходи.

– Здравствуйте, Ян Карлович! – Я плотно прикрыл за собой дверь и принялся расстегивать фуфайку, прикидывая, куда удасться ее пристроить на этот раз. Получалось, что только на пол: вешалка в комнате так и не появилась, а кушетка выглядела слишком чистой. Да, уютный кабинетик, ничего не скажешь. Может, все дело в том, что нет окон? Сразу начинаешь забывать об уличном холоде, а заряженный магической энергией светящийся шар до мурашек по коже напоминает ласковое майское солнышко. – Как здоровье?

– Как в том анекдоте: «не дождетесь». – Хозяин кабинета тихонько рассмеялся и отложил книгу. Несмотря на европейское имя, было в нем что-то восточное. Может, чуть желтоватый оттенок кожи? Или обычно невозмутимое выражение лица? Ничем особо примечательным его внешность не отличалась. Черные волосы без малейших признаков седины коротко подстрижены, щеки гладко выбриты. Стекла очков в тонкой оправе из серебристого металла сдвинуты на кончик носа. Ян не производил впечатления опасного человека, но пытаться надуть его не станет ни один обитатель Форты. Разве что только совсем недавно появившийся здесь и еще не успевший разобраться в том, «кто есть кто». Дело не в том, что Ян Карлович являлся одним из руководителей Торгового Союза, об этом как раз мало кто знал, а в том, что пытавшиеся его надуть обычно теряли намного больше, чем могли выиграть от своего обмана. Голова у Яна работала почище механизма швейцарских часов, которые он сейчас достал из жилетного

кармана. Ян закрыл крышку, засунул часы обратно в кармашек и вытащил из стоящего рядом со столом бара бутылку. – По рюмашке?

– Не откажусь. – Фуфайка полетела на паркет. Положив меч сверху, я передвинул кресло к столу и плюхнулся в него. Ян Карлович набулькал полрюмки янтарной жидкости, немного плеснул и себе. По кабинету распространился восхитительный аромат коньяка. Я приподнял пузатую рюмку на уровень глаз и слегка склонил голову. – Ваше здоровье.

Ян приподнял в ответ свою и пригубил коньяк. Я сделал куда больший глоток. Замечательно. Не часто удастся отведать такой замечательный напиток. Уже только ради этого стоит заходить к Яну почаще. В голове слегка зашумело. Увлекаться не стоит, сначала надо с делами разобраться.

– Перекусишь?

– Нет, пожалуй. Закуской такой коньяк только портить. – Я отпил еще и откинулся в кресле. – Что в Форте творится?

– А ничего хорошего. Гимназия с Лигой опять поцапались, с Городом какие-то проблемы начались. Сергей Петрович, воевода наш несравненный, грозитя все утрясти, да только непохоже, чтобы у него хоть что-то путное выходило. – Ян снова поднял рюмку, но пить не стал, наслаждаясь ароматом.

– Все как обычно, значит.

– Да нет. Что-то непонятное затевается. Словно все чего-то ждут. Только непонятно чего. Такое впечатление, что послезавтра конец света, и мне об этом сообщить забыли. А остальные уже в курсе и отрываются на всю катушку. Долгосрочную перспективу никто в расчет не принимает, о последствиях не думают совершенно. На грубую силу ставки делают. Кириллов даже новый набор в Дружину объявил. Заметь, не в Гарнизон и даже не в Патруль, где хронический некомплект, а в Дружину, которая напрямую воеводе подчиняется и от недостатка личного состава отнюдь не страдает. – Торговец снял очки, потер виски и задумчиво продолжил: – Неправильно люди себя ведут, неправильно. Сестры вконец обнаглели, а Братство, наоборот, сидит ниже травы, тише воды. Создается впечатление, что они свои операции в Форте потихоньку сворачивают. И только Цех пока еще ведет себя так, будто ничего не происходит. Но исключения, как известно, лишь подтверждают правила.

Надо же, всего две недели в патруле был, а какая каша успела завариться! Что же такое случилось, если Кириллов в своих силах засомневался? Начальники Патруля и Гарнизона хоть и выполняют распоряжения воеводы, но подчиняются напрямую Совету. До сих пор позиции Кириллова в нем были непоколебимы, да и теперь его положению ничто не должно угрожать. Герман Бергман – директор Гимназии – всегда поддерживал воеводу. Торговый Союз в политику не полезет ни за какие деньги. Сестры Холода ничего не могут противопоставить альянсу колдунов и дружинников, а Братство еще не настолько сильно, чтобы действовать с позиции силы. Цех в таких играх никто в расчет не принимает. Он по сравнению с остальными не более чем уличная шпана.

– У Братства, похоже, интересы на севере появились, но что-то у них там не клеится. – Я вкратце рассказал о встреченном нами обозе.

– Думаешь, некромант ждал именно братьев? – Ян смочил губы в коньяке.

– А кого еще?

– Это не аргумент. Не одни же братья по той дороге обозы отправляют. Крыс мог месяц в засаде сидеть, добычу поджидать. Некроманты, они ж упертые.

– Ага, и за это время не удосужился своих мертвяков обобрать? – Я вытащил кошель, развязал его и высыпал на стол кольцо и цепочку со свастикой. – А покойнички ему богатенькие попались. Очень интересное, надо думать, захоронение было.

Ян приподнял цепочку, посмотрел на болтающуюся свастику и отложил в сторону:

– Тут ты, скорее всего, прав. Обычный некромант первым делом зомби своих проверяет. – Торговец достал лупу и, как заправский ювелир, начал внимательно обследовать кольцо. – Странная техника, не встречал такой еще. Не зря, видно, про дольмен на болотах болтали...

– А чего необычного-то? Сапфир, кабошоном ограненный, не такая уж и редкость, – перебил я Яна. Сейчас он задумался, сам с собой разговаривает – ничего серьезного, конечно, не скажет, а вдруг? Может, мне и про дольмен знать не надо? А у нас как принято: нет человека, нет проблемы.

– Во-первых, не сапфир, а аквамарин. Во-вторых, я про гравировку на платине. – Ян отложил лупу и уставился на меня. – Ну а, в-третьих, судя по твоему рассказу, братья разделили бы некроманта под орех. Это больше похоже на ловлю на живца, знаешь ли. И наконец, в-четвертых... все это наши измышления, а фактов, фактов у нас нет. Может, Братство решило частично перебазироваться на север. Может, это вынужденный отход на заранее подготовленные позиции. В конце концов, просто попытка спровоцировать кого-то на активные действия. Сплошные «может», «если» и «или». Делать на основании имеющейся информации выводы сродни гаданию на кофейной гуще. Ты согласен?

– Вам виднее. – Не соглашаться с очевидным смысла нет, открыто признаваться в собственной тупости – тоже.

– Вот видишь... Точные сведения нужны. Кольцо продать принес? – Сменив тему разговора, Ян Карлович перестал вертеть перстень в пальцах и положил его рядом с цепочкой.

– Угу, – промычал я, уткнувшись в рюмку с коньяком. – И цепочку тоже.

– Червонец за цепочку, еще три за кольцо.

– Что?! – Возмущение вышло у меня вполне естественным. – Да в цепочке раз в пять золота больше, а то и в шесть. Про кольцо я вообще молчу, уж если вы его интересным нашли, то что про других скупщиков говорить? С руками оторвут! Да и платина – это не золото. Плюс прекрасно ограненный камень и, заметьте, без малейших дефектов. Девяносто рублей золотом за все.

– Не надо передергивать. – Торговец покачал головой. – Кольцо я назвал не интересным, а странным. Это, согласись, вещи разные. И какое содержание золота в твоей цепочке «желтого металла», мне неизвестно. Полагаю, и тебе тоже. Или ты можешь показать пробирное клеймо? Нет? Тогда за цепочку империял, за кольцо тридцать пять.

– Маловато будет. Хоть червонец накиньте.

– Только из уважения к тебе накину еще пятирублевку. Больше не дам, и не проси.

– Добавьте пол-империяла и забирайте.

– Ну что с тобой делать? Добавлю, куда деваться. – Ян сделал вид, что крайне расстроен слишком высокой ценой.

– По рукам. Двадцатку золотом, остальное серебром. – Я пригубил коньяк. Удачная сделка для нас обоих. Я быстро и по хорошей цене пристроил трофеи, Ян наварит на перепродаже не меньше меня. Надо бы успех закрепить. Я поднялся из кресла и взял с фуфайки клинок. – Меч посмотрите?

Хозяин кабинета осторожно принял протянутый клинок, внимательно осмотрел, повертел в руках и отложил на стол:

– Неплохая сталь, да и исполнение вполне приличное. За меч еще три империяла добавлю. Или серебром?

– Серебром, – подтвердил я.

– И куда тебе столько? – Ян одним глотком допил коньяк и убрал пустую рюмку в бар. – Если не секрет, конечно.

– Да какой секрет? Патроны начинать буду. У меня только один с серебром остался.

– А что так?

– На той неделе нашу тройку бандиты прижали, пока отряд не подошел, пришлось почти десяток патронов с серебром расстрелять. Как вспомню, не по себе становится. И серебро жалко на бандитов тратить, и других патронов по оконцове уже не оставалось. До сих пор жаба давит.

– А чего из трупов потом не наковырял? – то ли пошутил, то ли всерьез поинтересовался Ян.

– Не успел, – честно сознался я. – К бандитам подкрепление могло подойти, и мы сразу к Ключам начали отходить.

– Охота тебе монеты портить? – Ян подошел к одному из шкафов, выдвинул ящичек и бросил мне небольшой моток темно-серой проволоки. – Держи, это за меч. Техническое серебро. Для тебя в самый раз будет.

Я несколько раз подбросил в руке проволоку. Неплохо. Грамм сто пятьдесят. Выгодная сделка, даже при том, что из-за пониженного содержания серебра проволоки на патрон придется тратить больше, чем монетных обрубков.

– Ну все, теперь осталось только осиновыми колями запастись, и арсенал готов. – Я сунул проволоку в карман фуфайки и краем глаза заметил, как от удивления приподнялись брови моего собеседника.

– Решил податься в борцы с нечистью?

– Да нет, – рассмеялся я. – Просто по нынешним временам кол осиновый в любую минуту пригодиться может. Пару дней назад вампиры Нижний хутор до единого человека загубили.

– Их что, несколько было? – Изумлению Яна не было предела. – Они же одиночки, друг друга терпеть не могут!

– По крайней мере, пятеро было. Одиночка там бы не справился, пусть даже под видом гостя и сумел пробраться внутрь. – Я допил коньяк и отодвинул рюмку на край стола. – Пацаны болтают, может, кто из кровососов клан сбить смог?

– Этого еще не хватало. – Ян достал кошель. – Выходит, рыба и лес скоро подорожают.

– Рыба, та подорожает. Лес вряд ли. Хутор целехонек, наши парни в нем остались, так что как за лесом из Форга ездили, так и будут. А вот лов рыбы так сразу и не наладишь.

– Пятнадцать рублей золотом, остальное серебром тебя устроит? – Торговец положил на стол пятачку и придавил сверху монетами.

– Вполне. – Я сгреб деньги. Пятикопеечную серебряную монетку, размером не больше ногтя мизинца, даже не стал смотреть и кинул в кошель. Империял – пятнадцатирублевая золотая монета царской чеканки – также подозрений не вызвал и отправился следом. А вот серебряный рубль я убирать не спешил, слишком он был какой-то покоцанный. Да и дырка неизвестно каким сплавом запаена. Принимать монету или не стоит? И Яна обидеть нельзя, и по деньгам пролететь не хотелось бы. Вопрос...

– Что-то не так с рублем?

– Все в порядке, – принял я решение. Нормальная монета. Год чеканки 1831. Вес 4 золотника и 21 доля, если в граммах, то примерно 18. А что побитая, ничего страшного, стоимость ее это почти не уменьшает. – Ладно, пора и честь знать. А то сию, отвлекаю вас.

– Что ты, Лед, что ты. Для друзей у меня время всегда найдется. – Ян подождал, пока я натяну фуфайку, и добавил: – Будет что интересное – заходи. Понимаешь, о чем я?

– Обязательно, если что-нибудь узнаю, сразу забегу, – кивнул я и уже почти вышел из кабинета, но, вспомнив про просьбу Петровича, развернулся. – Смирнов просил придержать для него бочонок светлого, когда пиво из Ключей придет.

– Хорошо, запомню. – Ян надел очки, достал книгу, которую убрал при моем появлении, и уже мне в спину продолжил: – Поосторожней, Скользкий. Ты и так по краю ходишь, а сейчас неизвестно, что в Форте затевается. Лишний раз на рожон не лезь.

– О чем это вы, Ян Карлович? – замерев на пороге и не поворачиваясь, поинтересовался я.

– А помнишь, как там у Есенина: «Будто я в кабацкой пьяной драке получил под сердце острый нож»? Или слова не те? Разницы, в общем, никакой... Да ты не стой в дверях, иди уже.

Я прикрыл за собой дверь. Мать вашу! Да что ж такое творится?! Ян по-пустому болтать не станет, раз говорит, стоит прислушаться. Вернулись изрядно ослабшие за прошедший день сомнения по поводу найденного пистолета и поведения Дрона. Не об этом ли предупреждает Ян? Может, стоит с ним посоветоваться? А что, собственно, я расскажу? Возможно, меня хотели убить? Или не меня, а Макса? А может, все-таки волка? Дурдом. Ладно, поживем – увидим. Я вытащил из-под полки мешок и направился к выходу. За время беседы на улице стемнело, и комнату освещала одиноко висевшая под потолком стоваттная лампочка. Абажура не было, но по нашим временам это ни о чем не говорило: наличие электрического освещения само по себе является роскошью.

– И что, так ничего и не купишь? – Вопрос Вениамина застал меня уже у входной двери.

– Нет, ты ж все равно ничего найти не сможешь, – отшутился было я, но передумал и вернулся к прилавку. Патроны мне выдадут, но, скорее всего, не раньше следующего патруля, а боеприпасы серебром начинить надо, пока время свободное есть. – Хотя нет, постой. Два десятка патронов двенадцатого калибра. Полдюжины с пулями, четырнадцать с картечью. И запиши на мой счет.

– Я тебе только на могильном камне надпись оформить могу. И даже денег не возьму. – Приказчик достал из-под прилавка коробку и начал выкладывать из нее патроны. – Два рубля золотом с тебя.

– Держи. – Я нашарил в кошельке пятикопеечную серебряную монету, припечатал ее к прилавку и начал складывать патроны в мешок. – Злой ты.

– Я злой?! – вытаращил глаза Вениамин. – Да я само воплощение доброты. Смотри, какую игрушку для тебя придержал. Автомат, я понял, штука для тебя слишком сложная, а это ружьишко в самый раз будет.

– Ну-ну, давай посмотрим, что ты там заначил. – Автоматами я действительно не пользовался. И по патронам дороговато выходит, и с меткостью у меня кое-какие проблемы имеются. То ли дело засандалить картечью.

– Во! – На прилавок лег длинный сверток. Когда ткань была развернута, показалось укороченное ружье с двумя вертикально расположенными стволами. Потирая руки от удовольствия, Вениамин начал расхваливать товар. – Зацени штуцер. Уж не знаю, как местные кулибины это соорудили, но результат внушает уважение. Верхний ствол гладкоствольный двенадцатого калибра, нижний нарезной – девять миллиметров. И заметь, винтовочные патроны подаются автоматически, магазинная коробка на четыре патрона, плюс еще один в стволе. Можно и оптику нацепить к тому же. Не бабушка, а мечта удава.

– Почем отдаешь? – Ружье меня впечатлило. Если хватит денег, возьму, не задумываясь.

– Сто шестьдесят золотом. Торг неуместен, не сбавлю ни полушки. И старую твою раздолбайку больше чем за тридцатник не возьму. – Круглая физиономия приказчика так и сияла от удовольствия. Наверняка знает, что столько потратить я себе позволить не могу.

– Занятная игрушка, – протянул я. Если поднапрячься, занять под жалованье, не платить за жилье и пристроить паяк, все равно столько денег не наберется. Только... Только если не сдать фляжку. Серебра в ней немало, еще наскрести... Выбросить эту мысль из головы удалось с трудом: не могу я себе позволить в долги влезать, да и фляжка – это, пожалуй, единственное, что у меня осталось от прежней жизни. Я покачал головой и натянул ушанку. – Может в следующей жизни...

– Хозяин – барин. Смотри, еще пару дней я ее для тебя придержу.

– До свиданья. – Внимания на издевку я обращать не стал. Не стоит оно того.

– Будут деньги – заходи.

– Пошел ты, – пробормотал я себе под нос и захлопнул дверь. Холодный воздух обжег ноздри. Похолодало. Не спеша я двинул в сторону центра. Снег тихонько поскрипывал под валенками, глаза постепенно привыкли к темноте, и я ускорил шаг, стараясь держаться ближе к середине дороги. Кое-как сохранившиеся здания не были освещены, чернели мрачные провалы дверей и окон. Приближаться к ним совсем не безопасно. Конечно, от нечисти Форт зачистили давным-давно, но от грабителей так легко избавиться не получилось, несмотря на все усилия Дружины.

Слева открылся пустырь, посреди которого из-за высокой, обнесенной колючей проволокой стены выглядывали мрачные здания бывшей женской тюрьмы. Давным-давно это место присмотрели себе Сестры Холода и за последние годы превратили тюрьму в неприступную крепость. Чистенький пустырь кардинально отличался от заваленных мусором подворотен. Оно и понятно: тащить отходы к тюремному забору дураков нет: Сестры столь явного неуважения не прощают.

Немного дальше, у зала игровых автоматов «Captain F.» два хмурых работника городского крематория грузили в труповозку уже окоченевшее на морозе тело. На снегу остались черное пятно крови и разлетевшиеся бутылочные осколки. Ко всему привыкшие кони спокойно ждали, пока грузчики устроят на саях труп. Два дружинника о чем-то расспрашивали переминающегося с ноги на ногу охранника. Что за место здесь такое? Каждую неделю поножовщина.

По мере приближения к центру развалины уступили место домам, находившимся в более приличном состоянии: подъезды перекрыты железными дверьми, на окнах крепкие ставни. Кое-где из щелей в ставнях пробивались лучи света. Время от времени на соседних улицах мелькали силуэты спешащих по делам людей. Разгоняя темноту чающим факелом, мимо протопали трое дружинников. Пуховики, ватные штаны и меховые шапки отлично защищали от холода, а руки наверняка заоченели – кожаные перчатки, будь они хоть трижды на меху, в такую погоду не самый удачный выбор. Но ничего не поделаешь, в варежках из автоматов не постреляешь. Дружинники покосились на меня, но останавливать не стали. То ли узнали, то ли их смена уже закончилась.

На небольшом пяточке у перекрестка бойко шла торговля. Припозднившиеся покупатели выбирали разложенные на картонных коробках и деревянных ящиках товары и спешили по домам, пока еще окончательно не стемнело. Немного на отшибе, протягивая скрюченные руки к прохожим, выпрашивал милостыню урод. Редко-редко кто-нибудь останавливался и кидал мелкую монету или замусоленную бумажку в валяющуюся на снегу шапку. Большинство старалось даже не смотреть на непропорционально большие выпученные глаза, шишковатый лоб и короткие, словно обрубленные пальцы.

Свернув с широкой дороги на еле заметную тропинку и пройдя сквозь дыру в заборе, я оказался у трехэтажного здания еще дореволюционной постройки. Его можно было бы счесть даже красивым, если бы не безобразное состояние, в котором оно находилось. Большинство окон выбито, несколько колонн обвалилось, а тяжелые дубовые двери, сорванные с петель, валялись рядом со входом. На первый взгляд не очень впечатляет, но это жилище, кстати, бывшее раньше городским моргом, вполне меня устраивало. Поскользнувшись и едва не упав на занесенных снегом ступенях, я поднялся на крыльцо. Холл был засыпан снегом, занесенным сюда гуляющим по дому ветром.

Резкая боль обожгла запястье, когда я входил в дверь. Да что такое творится сегодня! Шипя сквозь стиснутые зубы, мне удалось закатать свитер и стянуть с руки браслет, покрытый мелким серебристым узором. Темный металл браслета уже начал остывать, боль же проходить не спешила. Ничего, ожога нет, и то хорошо. Я защелкнул остывший амулет на запястье и направился к спуску в подвал. Ведущая вниз лестница была очищена от снега, да и чем ниже, тем теплей становился воздух. Спустившись на пару пролетов, я оказался в уходящем в глубь

здания темном коридоре. Первая от лестницы дверь была заперта, зато вторая, едва слышно скрипнув, открылась внутрь. Из комнаты ударил едкий запах раскаленного металла и паленой кожи. Это еще откуда? Вроде хозяин особняка раньше пытки не практиковал. Или это новый способ улучшить сбор квартирной платы? Вряд ли, и старый пока неплохо работает.

– Закрывай быстрее, сквозит. – Высокий старик в доходящей до пола коричневой хламиде увлеченно нагревал маленький тигель на пламени газовой горелки. Рядом на столе лежала раскрытая книга. Кроме синего с желтой каймой лепестка пламени, на котором нагревался металл, освещение в комнате отсутствовало. Но темно в просторном помещении не было. Казалось, свет излучали сами неоштукатуренные кирпичные стены. Поворачиваться в мою сторону маг не стал. – Кому сказал: быстрее! Не видишь, я сплав готовлю?

Пространство комнаты было настолько насыщено энергией, что по коже побежали мурашки, а волосы зашевелились и встали дыбом. Не самая полезная для здоровья атмосфера. Но ничего другого, кроме как подождать, не оставалось. Все равно, пока маг в таком состоянии, дела с ним обсуждать бесполезно. Еще и кинет чем-нибудь тяжелым.

– Не стой столбом. – Старик отмерил на весах немного желтоватого порошка и высыпал в тигель, потом несколько раз провел над ним руками. – Табуретку бери. Я уже заканчиваю.

Дойти до табуретки, стоявшей у забитого книгами шкафа, я не успел. Что-то заклокотало, цвет пламени газовой горелки стал фиолетовым, а спустя мгновение из тигля брызнул расплавленный металл. Блин, так и заикой стать можно! Ни одна из капель не коснулась мага, но несколько угодили на раскрытую книгу, кожаные страницы которой недовольно зашипели. Теперь понятно, откуда запах взялся.

Старик что-то недовольно пробормотал, потом добавил еще пару слов на неизвестном мне языке. Судя по интонации, какое-то ругательство. Пара пассов руками, и о произошедшем извержении напоминал только запах и обожженная в нескольких местах поверхность стола. Капельки расплавленного металла, попавшие на столешницу, книгу и кафельный пол, бесследно растворились в воздухе.

– Опять стабильность потока не выдержал, – словно оправдываясь, проворчал маг, перекрыл вентиль газовой горелки и уселся на край стола. – Чего тебе?

– Аарон Давидович, я вам когда-нибудь квартирную плату задерживал?

– Не припомню такого. – Хозяин здания бывшего морга, среди постояльцев за глаза именуемый Гадесом, перестал болтать в воздухе ногами и поправил ремень, удерживающий на ступне толстую деревянную сандалию. – Ты с какой целью интересуешься?

– Зачем тогда вы режим напоминания на моем амулете активировали? Предупреждал ведь, что внесу плату, когда вернусь из патруля. – Я достал кошель и подошел к столу. Доходный дом Гадеса был одним из немногих мест в Форте, да, пожалуй, и во всем Приграничье, где можно было не волноваться за собственную жизнь и без опаски оставлять ценные вещи. Достигалась подобная безопасность весьма неординарным способом: все здание было защищено мощнейшим магическим полем. Беспрепятственно внутрь мог проникнуть только тот, для кого Аарон изготовил амулет. И в случае задержки платы за арендуемую комнатку при пересечении защитного поля амулет напоминал об этом весьма болезненным нагревом.

– Точно, предупреждал. Извини, сынок, совсем из головы вылетело. – Маг соскочил со стола, захлопнул книгу и поставил ее в шкаф. – Кстати, ты ведь уже вернулся?

Намек тоньше некуда. Я выложил империал на стол. Аарон не глядя смахнул пятнадцатирублевую монету в рукав хламиды. Ловко. Любит деньги, шельмец. Плату Гадес драл несусветную, но и безопасность гарантировал соответствующую. Магом он был очень способным, и, учитывая интенсивность пересекающихся в окрестностях морга силовых потоков, пробить его защитные чары могли только объединенные усилия никак не меньше чем трети входивших в Гимназию колдунов. Будучи в здравом уме и сознавая возможные потери, Бергман на штурм не пойдет ни при каких обстоятельствах. Но была у этого обстоятельства и оборотная сторона:

Аарон имел возможность поддерживать такую защиту, лишь находясь в непосредственной близости от морга. Так что за последние несколько лет он ни разу не покидал этот подвал. Не могу сказать, чтобы это сильно мага угнетало, но и на пользу его характеру добровольное заточение явно не пошло.

– Остаток долга и аванс за следующий месяц. Недели через две оставшуюся часть внесу. До встречи. – Я быстренько выскочил в коридор. Нечего Гадесу глаза мозолить, еще вспомнит про обещанное повышение кварт-платы. К тому же от насыщенного магической энергией воздуха у меня зуд по всему телу. Сыпью бы не покрыться, как в прошлый раз.

– Удачи, сынок. И не забудь, со следующего месяца с тебя на два золотых больше.

– Да помню я! – Забудет он о деньгах, как же. Дойдя почти до самого конца коридора, я остановился перед дверью и приложил браслет к овальной металлической блямбе, тонкие линии гравировки на которой напоминали нанесенный на металл отпечаток пальца. Покрутив запястье, чтобы линии на амулете и пластине совпали, я дождался мелодичного перезвона. Спустя мгновение раздался щелчок открывающегося замка. Вот я и дома.

Узкий пенал почти полностью был завален немудреными пожитками. Причем более-менее ценное имущество лежало вперемежку с бесполезным хламом, выкинуть который не доходили руки. Ящик с консервами соседствовал с мешком, забитым грязным бельем. На коробку с порохом, капсюлями, пыжами и картечью я пристроил разобранный радиоприемник. В дальнем углу стоял свернутый матрас, на нем одеяло и подушка. Пустая трехлитровая банка обнаружилась рядом с дверью. Хоть убейте, не помню, как она здесь оказалась.

Мебели не было абсолютно никакой. Шкаф заменяла доска, приколоченная железными штырями прямо к стене. На ней на деревянных колышках висели плащ, кое-как утепленный кроличьим мехом, и короткая кожаная куртка. Плащ я надевал, когда мотался по Форту, куртка была летней формой одежды.

Мысли о том, что неплохо бы повыкидывать к чертям собачьим весь хлам, посещали меня всякий раз после возвращения из патруля. Но сначала полно более важных дел, а потом привыкаешь, да и жалко на всякую фигню время тратить.

Вот и сейчас, когда, пытаюсь подойти к вешалке, я споткнулся о прислоненные к стене сулицы и только чудом не разбил единственную приличную посудину – трехлитровую банку, – в моей голове начал формироваться план глобальной очистки комнаты от скопившегося барахла. Размышления по поводу сего мероприятия прервала доверху заполненная разнокалиберными патронами и стреляными гильзами жестянка из-под катушки киноплёнки, которая едва не свалилась мне на голову. Надо быть повнимательней, а то так и инвалидом недолго остаться.

Быстренько раскидав вещи по комнате, я задумался, чем заняться в первую очередь. Ничего полезного сегодня сделать все равно не успею, но водой запастись просто необходимо, а то завтра утром от сушняка умру. Водопроводный кран, из которого, только Гадесу ведомо, каким чудом, продолжала идти ледяная вода, располагался в самом конце коридора. Пока донес оттуда трехлитровку, пальцы свело от холода. Знал бы – перчатки надел.

На сегодня вроде все. Грязные и пропотевшие шмотки я засунул в едва вместивший новую порцию белья мешок. Мешок выставил к двери, чтобы опять не забыть отнести в прачечную. За стирку придется раскошелиться, но чистых вещей у меня уже не осталось. Потертые черные джинсы, заштопанный свитер, фланелевая рубашка и теплые носки с трудом были извлечены из-под завалов. Тяжелые ботинки и меховые стельки обнаружились между ящиком с тушенкой и сваленными в кучу частями доспехов. Найти бы кожаные перчатки, и я готов. Ага, вот и они торчат из кармана куртки.

Осталось разобраться с оружием и деньгами. Вытащив с помощью ножа из стены кирпич, я засунул в открывшийся тайник пистолет и кошель с деньгами. Взамен достал золотую чешуйку – единственную монету, чеканящуюся в Форте на монетном дворе Торгового Союза, –

и золотую же двадцатипятирублевку, выпущенную Банком России. Должно хватить. После того как вставил кирпич на место, затер щели пылью. Схрон аховый, конечно, но лучше, чем ничего. Монетки отправились в специально пришитый для этого на рубашку кармашек. Свой новый тесак в кое-как подогнанных ножнах прицепил на ремень, пару метательных ножей засунул в петли, пристроенные к внутренней поверхности плаща. В Форте Дружина навела какое-то подобие порядка, но никогда не знаешь, на кого по синей волне нарвешься.

Вроде все. Или еще что-то забыл? Блин! Талоны! Я развязал мешок с бельем, вытряхнул рубашку и достал из кармана талоны. Ну да, здесь и ключ от оружейного шкафчика. Но с ним-то от стирки ничего не сделается, а вот пайковые мои плакали бы. И куда их пристроить? Ключ надел на гвоздь, до середины вбитый в полку и загнутый кверху, свернутые листы пайковых талонов, придавив сверху кастетом, положил на картонный ящик с тушенкой. Теперь все.

Еле слышный гул в голове заставил насторожиться и схватиться за нож. Это что за чертовщина? Несколько кирпичей начали, меняя свою форму, оплавляться, и через пару мгновений на меня смотрело лицо Гадеса, словно вылепленное из расплавленной кирпичной массы.

– К тебе пришли, – едва заметно шевельнулись губы, и маска начала разглаживаться, исчезая в стене.

Я прикоснулся к ставшим неотличимыми от соседних кирпичам рукой. Даже не нагрелись. Ну, ни фиги себе! Это что, новая услуга – магический домофон? Ладно, потом у Гадеса узнаю, надо пойти посмотреть, кто приперся. Вроде никого не жду. Накинув плащ, я захлопнул за собой дверь. Все равно уже в «Берлогу» пора.

На крыльце морга стояла странная неподвижная фигура человека. Лица в темноте было не разобрать. Ладно, если что, Гадес меня прикроет. Подойдя поближе, я узнал Макса. Он не шевелился, не моргал и, похоже, даже не дышал. Не понял, чего это с ним?

– Статус гостя подтверждаешь? – Голос раздался прямо в моей голове. Теперь все понятно: Макс слишком настойчиво пытался попасть внутрь, поэтому и попал под заморозку. Еще легко отделался. Хорошо, успел сказать, что ко мне пришел, а то охранная система могла и более жесткие меры применить.

«Только на сегодняшний день», – мысленно сформулировал я ответ, и Макса отпустило. Он начал оседать на снег, резко взмахнув руками, дернулся и сумел выпрямиться.

– Чего? Я тут, это... е-е-е... – Постепенно его взгляд прояснился, а речь стала осмысленной. – Да че за фигня творится? На крыльцо зашел – и как обухом по голове. Ничего, блин, не помню. Только голоса какие-то.

– Магическая защита сработала. Ты чего приперся?

– Дак с общаги в «Берлогу» шел. Дай, думаю, за тобой зайду. По пути ведь. – Бедолага постучал по затылку ладонью. – Ты как, идешь?

– Пошли. – Я похлопал себя по карманам – вроде ничего не забыл, – накинул капюшон и спустился с крыльца. Так, если по центральной аллее пойдем, придется крюк делать, лучше через дыру в заборе вылезти. Пришлось тормознуть Макса. – Не туда. За мной иди.

– Нам же в «Берлогу»?

– Напрямик срежем. – Вообще-то плутать дворами в Форте, где патрулировались только главные улицы, было делом небезопасным, но я решил, что в районе «Берлоги» нас вряд ли решится кто-нибудь остановить. И меня должны знать, и откровенных отморозков здесь уже не осталось.

Обогнув по протоптанной среди снежных завалов тропинке морг, мы вышли на Красный проспект. Главная улица Форты разделяла его на западную и восточную части. Идти по широкой дороге было сплошное удовольствие. Единственное неудобство – приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не вляпаться в конские яблоки, часто встречающиеся среди полукруглых следов подков. Чистый отрезок попался, только когда мы проходили мимо отде-

ления «Центрального городского банка». К моему удивлению, несмотря на поздний час, окна банка были освещены, а на обочине стоял рекламный щит.

– Сейфовые ячейки, векселя, депозиты, – прочитал Макс и удивленно покачал головой – Живут же люди!

Раздались звон бубенцов, цоканье копыт, и через перекресток, к которому мы подходили, пронеслись сани. Судя по донесшемуся обрывку песни: «...замерзал ямщик...», кто-то успел наклюкаться и решил прокатиться с ветерком. Лошадей бы не загнали.

– А чего здесь освещают-то? – Макс удивленно крутил головой. Оно и понятно: ночное освещение в Форте явление редкое. А тут над пересечением улиц висело сразу несколько искрящихся сгустков энергии, напоминавших небольшие шаровые молнии.

– Торговый угол.

Чтобы продлить время торговли и привлечь покупателей, владельцы нескольких лавок заключили с Гимназией контракт на освещение перекрестка. Колдуны подошли к делу творчески и поручали поддержание огней ученикам, что очень способствовало развитию самоконтроля: смена длилась целые сутки.

– Вон лавка менялы, будут монеты или бумажки сомнительные, обращайся, – ткнул я рукой. – Домик, плющом увитый, – ювелиров хибара. Впечатляет? К ним лучше не ходи, у Яна по скупке условия выгодней. Это контора нотариуса, ну, тебе пока вроде без надобности.

– А это что за ерунда? – Макс махнул на вывешенный над дверью щит, на котором пересекались меч и автомат Калашникова.

– Оружейная лавка. «Булат» – место шикарное, но не по нашим доходам. – Я указал на покрытые затейливой резьбой ставни. – Вот сюда, как жалованье выплатят, зайди обязательно. В «Сером святом» очень хороший выбор амулетов, талисманов и оберегов. Найти можно почти все, что поступает в свободную продажу. И паленых нет. Для начала возьми что-нибудь от сглаза или морока. Пригодится.

– Обязательно. – Парень подхватил оторванный ветром листок бумаги и в свете шаров прочитал выведенные через трафарет буквы: «Покупаем гильзы. ПМ, АК 5.45, АК 7.62. Купим лом гильз». А платят копейки.

– Да уж, на этом не разбогатеешь.

– Аптека? – Внимание Макса привлекла обвивающая ножку чаши змея.

– Лекарь. Дорого дерет, собака. По возможности до горбольницы доберись. Если смена Хирурга будет, скидку сделает. Да! Не вздумай никого здесь зацепить. – Я кивнул на угрюмо слоняющихся перед лавками парней. – Охрана частная. Шутки не понимает.

– По ним видно, – покосился Макс на охранников. – Слышь, Лед, насчет амулетов. Ты про «Ультровские» модели что скажешь? Стоит брать?

– Тебе, думаю, смысла нет.

– А что так? Все хвалят.

– Тебе бы на что-нибудь простенькое денег наскрести, – пояснил я. – Да к тому же, хоть «Ультровские» амулеты и мощнее, но стабильность у них хромает. Это ж переделки, а не новые модели.

– Понятно.

Мы миновали перекресток и через квартал свернули во дворы. Дома здесь были обжитые, почти из половины окон пробивались отблески света, но люди на улице не попадались.

– Вымерли все, что ли? – Макс огляделся и остановился отлить у стены.

– По норам попрятались. Поужинают и спать. Нормальным людям завтра на работу с утра. Это на Южном бульваре сейчас жизнь кипит, а тут трудяги живут.

Свернув в узкий проход между домами, я тихонько ругнулся:

– Накаркал, блин.

Чуть больше половины пространства между стенами домов занимал мусорный бак, в котором плевался синими искрами небольшой костерок. Вокруг бака топтались два парня и девица. Короткие кожаные куртки, облегающие штаны, легкие сапожки. Не по погоде одежда. От мороза она защищала мало, да и костер тепла давал явно недостаточно. Понятно, что не бандиты, но тогда какого черта они здесь делают в это время? Один из парней повернулся, и отблески костра отразились на стилизованном изображении шестеренки, вышитом металлической проволокой на куртке. Вот оно как, цеховики.

Я сунул правую руку в сквозную прорезь плаща поближе к рукояти ножа и пошел вперед. Идущий позади Макс размотал цепь кистеня, на конце которой болтался увесистый свинцовый шарик. Сделал это он грамотно: цепь не лязгнула, а от цеховиков ее прикрыла моя фигура. Остается надеяться, что пользоваться им Макс умеет, и свинцовый шарик не прилетит мне в затылок в самый неподходящий момент.

– Че стоим, кого ждем? – поинтересовался я, когда до мусорного бака оставалась пара метров, и, не дожидаясь ответа, скомандовал: – А ну, живо свалили отсюда!

Девчонка хотела что-то ответить, но один из парней ухватил ее за рукав и вытащил на улицу, второй незамедлительно последовал за ними.

– Чего ты на них наехал? – ничего не понял Макс. – Нормально прошли бы, места хватало. Зачем с Цехом отношения портить?

– Ненавижу тварей, – поморщился я. – Не беспокойся, из-за этих шестерок никаких проблем не будет.

Через пару дворов мы вывернули на дорогу прямо перед «Берлогой». На развалинах второго этажа толстой ржавой проволокой был прикручен фанерный лист с нарисованным черной краской медведем. Непосвященному никогда бы не пришло в голову, что в этих трущобах располагается вполне приличный по меркам Форты кабак. Действительно, что можно разместить в кирпичном здании, разобранном почти до цокольного этажа? Но, если принять во внимание наличие огромного подвала, все вставало на свои места. Именно там были оборудованы просторный зал с тремя биллиардными столами, кухня, склад, подсобка и несколько кабинетов для привилегированных посетителей. Единственной проблемой являлась плохая вентиляция. Но в кухне эту проблему как-то решили, а курить посетителям было строжайше запрещено. Для курения обустроили небольшой закуток рядом с ведущей наверх лестницей.

Запрет на курение за столами был, по крайней мере для меня, серьезным аргументом в пользу «Берлоги». В других клоповниках обычно так накурено, что хоть топор вешай. Многие курящие в этом вопросе полностью со мной соглашались: одежда и волосы после посиделок в таких местах до того пропахивали табачным дымом, что уже за пару километров сигнализировали любой лесной зверюге о приближении патрульных.

В «Берлоге» раздражал только интерьер: слишком уж хозяин заведения увлекся вампирской тематикой. Я понимаю, что на черном и красном грязь и пятна не так заметны, а создание полумрака требовало куда меньших затрат, чем поддержание нормального освещения, – это логично и вполне объяснимо, но к чему эти декадентские наряды? Очки опять эти темные. С другой стороны, чем бы Крис ни тешился, лишь бы кормил вкусно. И поил.

Я пропустил Макса вперед, обил о стену налипший на ботинки снег и начал спускаться по узкой темной лестнице. Видимости никакой, но трезвому можно и шаги сосчитать. Вот обратно уже только на ощупь. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Поворот. И снова: раз...

После третьего поворота потянуло табачным дымом и запахом стряпни. Следующий пролет был последним и освещался неровным светом пары факелов, закрепленных на стенах у начала лестницы. Дальше в залах факелы не использовались, свет давали лампы, развешанные по стенам.

– Здорово, пацаны, – поздоровался Макс, обогнавший меня на пролет. С кем это он? Я отсчитал последний десяток ступеней и остановился рядом с ведущей в зал аркой. В курилке расположились четыре парня, по виду сущие разбойники. Приплюснутые носы, короткие нечесанные бороды, прорехи в зубах и замутненные дурью глаза делали их удивительно похожими друг на друга, хотя родственниками они не были. Внешнее сходство довершала одинаковая одежда: собачьи унты, кожаные штаны и короткие шубейки мехом наружу. Трое бугаев развалились на продавленном диванчике, четвертый стоял, упершись в косяк плечом, и вяло протягивал Максу ладонь с полусогнутыми пальцами.

– Здравствуй, здравствуй... мордастый, – лениво растягивая слова, ответил Степан Трезубов, личность на северной окраине известная благодаря своей исключительной изворотливости. Зарабатывая на хлеб насущный разбоем, он тем не менее не имел проблем с законом. А упорно ходившие в последнее время слухи о сотрудничестве с Дружиной так и не смогли испортить его отношений с подельниками и скупщиками краденого. У меня со Степой особых трений не возникало, но, сам не знаю почему, терпеть его не мог. Сидевших на диване и от Степиных слов зашедшихся в приступе хохота бородачей я не знал, но, скорее всего, такие же подонки.

– Да ты тоже на дистрофика не шибко похож. Ряху отъел, будь здоров. – Я вышел из-за спины опешившего Макса. Он парень здоровый, но на четверых с кулаками бросаться резона нет. А если один раз почувствуют слабинку – уже не отвяжутся.

– Привет, Лед. Я ж пошутил. – Трезубов развел руки и примирительно улыбнулся. Один из парней передал ему косяк, и Степа протянул его Максу. – Расслабься ты. На, дерни.

– Да ты, Зуб, никак, юмористом заделался? Прикинь, я тоже пару шуток знаю. Смешных. – Я сделал еще один шаг вперед, решив на время забыть про совет Яна. Не то настроение у меня сегодня. – Сейчас смешить буду.

– Эй, Лед! Шеф передать велел: если еще кого зарежешь, не пустит больше. – В арку заглянул Артур, помощник Криса, убедился, что я его услышал, и исчез в зале.

– В другой раз. – Не обращая внимания на мрачные взгляды приятелей Степана, я подтолкнул Макса к арке и вошел в зал. Неплохо бы уделать Степу, но не такой же ценой! А Крис, гад, все помнит. Больше двух недель прошло, как я из-за Хобота в драку попал, а обещание свое не забыл.

Темноту в зале рассеивали десятки красных огоньков лампад. По углам и в альковах тени сгущались, но многих посетителей именно это и привлекало. На мой взгляд, света можно было бы и прибавить. Угол, из которого доносился треск бильярдных шаров, освещался более ярко, но и там электрические лампочки горели вполнекала. Экономия, блин.

Как всегда, свободных столов почти не было. Еще бы, сюда приходили со всей северной окраины, да и с западной части Форты народ на огонек заглядывал. Нам еще повезло, приди мы на час позже – свободных мест уже не осталось бы.

– Ни фиги не видно, – пробормотал остановившийся рядом со мной Макс, высматривавший подходящий столик. От этого занятия его отвлек глубокий вырез на блузке официантки в черных очках. Проводив ее глазами, Макс вздохнул: – Как только они видят в своих очках?

– Секрет фирмы. Какие только деньги Крису не предлагали – не продает.

– Круто! А может, они действительно вампиры? – купился парень на мою шутку.

– Самый умный, что ли? «Берлогу» давно уже на этот счет вдоль и поперек проверили, – продолжил развлекаться я и наконец присмотрел подходящее место – недалеко от входа и в меру освещенное. – Нам туда.

– Скользкий! Куда собрался? Сюда иди! – окликнули меня из алькова, мимо которого я только что прошел.

Развернувшись на голос, я подошел к столу и призывно махнул рукой Максу.

– О! Какие люди!

– Падай! Когда из патруля вернулся?

– Часа три назад. – Я поздоровался за руку с сидящими за столом. Двое – черноволосый красавец кавказской наружности и светловолосый крепыш среднего роста – были моими ровесниками. Третий – невысокий и худощавый – казался на их фоне подростком, но на самом деле был младше всего на пару лет. Да и молодежный стиль – множество маек, рубаш и джемперов, выглядывающих друг из-под друга – солидности не прибавлял. – Это Макс. Он за первый патруль проставляется. Макс, это Гамлет, Денис и Ворон.

– За это надо выпить! Стакан еще один притащите, у нас только четыре. – Гамлет, он же Принц, он же Датчанин, поднял бутылку и на свет посмотрел, сколько осталось водки. Как ни странно, Гамлет и по паспорту был Гамлетом. В чем я когда-то и удостоверился, проиграв при этом пару бутылок вина. Фамилию запомнить не получилось то ли в силу нереального сочетания в ней согласных, то ли из-за добавленного на выпитое с Гамлетом вино пол-литра самогона.

– Я схожу за стаканами, заодно и возьму чего-нибудь. – Макс двинулся в сторону стойки бара.

– Обожди. – Я схватил его за рукав и повернулся к Гамлету. – «Посольская» есть?

– «Посольская» еще на той неделе кончилась. – Гамлет потер щетину на подбородке. – «Пшеничная» неплохая вроде, но она дорогая. «Горилку» брать не стоит, последняя партия паленая была.

– Там «Золотой» бутылок пять оставалось. И самогон есть. – Денис забрал бутылку у Гамлета и начал разливать водку по стаканам.

– Бери пару бутылок «Пшеничной» и пожрать чего-нибудь горяченького. Денег не хватит, я добавлю. – Остатков тушеной капусты в железной миске нам надолго не хватит, а кроме капусты, четвертушки черного хлеба и открытых шпротов, другой закуски на столе не было.

– И запивон возьми какой-нибудь, – добавил Ворон.

– Кто четвертый был? – поинтересовался я, взял на четверть наполненный водкой граненый стакан и зацепил обнаруженной на изрезанной столешнице алюминиевой вилкой капусту.

– Митяй. Живот скрутило, он и свалил до дому. – Денис ухватил шпротину, положил на ломтик хлеба и поднял стакан.

– Не понял, это еще что такое? – Я ткнул вилкой с наколотой на нее капустой и случайно попавшимся куском мяса в сторону Дениса. В Форте с мясом не то чтобы напряг, но не всегда можно понять, из чего какое блюдо приготовлено. Кошек и собак, конечно, на жаркое давно не пускают – повывелись они, – но в окрестностях столько разной живности водится, что лучше сначала поинтересоваться, кого кушаешь, чем потом на толчке долгую думу думать.

– Не волнуйся, мясо кошерное, а не кошачье, – пошутил Гамлет. – Митяя не из-за него прихватило. А фуру с говядиной сам на той неделе принял и Крису сдал, так что все путем.

– Целую пригнал? – Раз сам принял, вопросов нет. В основном Гамлет зарабатывал на жизнь, охраняя торговые обозы, но, когда работы не было, собирал команду и отправлялся в длительный рейд по местам наиболее частых переходов с той стороны. Доход это занятие приносило нерегулярный, зато в случае удачи можно было за пару дней заработать месяца на три безбедной жизни.

– Не, только морозильник уцелел. Мясо на санях вывозили. Половину навару отдать пришлось. – Гамлет вздохнул: – Хорош водку греть. Будем!

Мы чокнулись. Водка провалилась внутрь, я быстро закусил капустой. Неплохо пошла.

– Чего пьянствуете?

– Мою стрижку обмываем. – Гамлет убрал пустую бутылку под стол. – Только начали.

– Ты подстригся, что ли? Что-то незаметно. – Я отодвинул стул к стене и вытянул ноги.

– Э-э-э, Лед, совсем ты в этом деле не шаришь. Бывает, парикмахер, – он выделил последний слог, – тебя обкорнает, все вроде красиво, аккуратненько, но радости нет – понимаешь?

Настоящему мастеру достаточно пару раз ножницами щелкнуть, и все: выходишь ты на улицу, ветерок волосы гладит, а на душе такая благодать!

– Ты что, друг менингита, по улице без шапки шастаешь?

– Нету в тебе романтики, Лед. – Гамлет демонстративно отвернулся и начал поправлять винтовочные патроны, вставленные в газыри черной чохи.

– Принц, да он просто трезвый еще. – Денис отодвинул миску с тушеной капустой на край стола, освобождая место для принесенных Максом пары бутылок водки, кувшина с томатным соком и тарелки с крупно нарезанным хлебом.

– Сейчас еще картошку принесут. – Макс вытащил из кармана стакан, поставил его на стол и повесил полушубок на спинку стула.

– Денег хватило? – Я взял бутылку «Пшеничной», скрутил пробку и разлил по стаканам. Подошла официантка, выставила блюдо с жареной картошкой. Вот это дело. Водочка под жареную картошку самое то. Только надо было прямо в сковороде на стол подавать.

– За вторую бутылку должен остался.

– Ерунда, на всех раскидаем. Все равно еще брать придется. – Денис пододвинул к себе стакан, попутно умудрившись уронить наколотые на вилку ломтики картошки на линялые футболку и джинсы. Не особенно расстроившись, он пальцами подхватил картошку и отправил ее в рот. – Доза не та. Надо добавить.

Кто бы сомневался, ему сто грамм, что слону дробина. При росте в сто семьдесят сантиметров и весе под центнер, Денис Селин мог выпить водки почти столько же, сколько мы все остальные, вместе взятые, и при этом еще что-то соображать. Правда, когда он перебирал, крышу ему сносило капитально. Вот тогда он полностью соответствовал своему облику тупого головореза: сбитые костяшки, накачанная мускулатура и хмурый взгляд из-под нависающих над глазами надбровных дуг. Поведение становилось соответствующим – любой мог получить в рыло просто за косой взгляд. А ведь серьезные дела провоцирует, когда трезвый.

Денис поставил локти на стол, зажал покрытое мелкими оспинами лицо в ладонях и уставился в пустой стакан.

– А чего ждем? – Гамлет поднялся со стула, поправил заткнутый за кушак слегка изогнутый кинжал и поднял стакан. – За взаимопонимание!

Выпили. Под нормальную закуску водка пошла веселее, сразу заказали еще бутылку и вторую сковородку картошки. Свободных столов к этому времени уже не осталось, но народ продолжал подходить. На крохотной сцене появилось несколько музыкантов. Звуки гитары, скрипки и флейты голосов не перекрывали и не раздражали. Несколько раз мелькнули знакомые лица. Бильярдные столы оккупировали ребята из нашего отряда: Друид и Семенych притащили с собой Хирурга, обычно не жаловавшего подобные заведения, Кота сопровождала какая-то новая девица, а Вышев привел парня, которого я пару раз видел в центральном участке Дружины.

– Еще по одной?

– Наливай. – Ворон хрустнул костяшками пальцев и провел рукой по стриженным под расческу волосам. Худенький, а пьет как лошадь. Что-что, а возможности выпить на халяву Ворон, перебивавшийся случайными заработками, а проще говоря, подворовывавший, не упустил.

Третью бутылку пили не чокаясь. Гамлет травил байки, Ворон и Макс развесили уши. Денис и я все эти истории слышали уже не по разу и особенно к разговору не прислушивались.

– У Криса деньги лишние появились? Раньше электричество не жег. – Я откинулся на спинку стула и ткнул вилкой в сторону бильярдных столов.

– Ты сюда шел, ветряк не видел? Кучу золота выложили, теперь шикуют. – Денис отхлебнул томатного сока и сплюнул на пол. – Кислятина.

– Не обратил внимания, темно было. – В голове сгустился туман. Может, пора до дому и спать? Точно, еще пару стопок – и хватит. Я прикрыл глаза. Голоса звучали приглушенно, словно доносились сквозь толщу воды.

– Макс, а я тебя где-то видел. – Ворон звякнул горлышком бутылки о край стакана. – Ты в «Серебряной подкове» не зависал?

– Было дело, я там частенько в картишки резался.

– Точно! Это ты ведь Васе Кривому клык выбил.

– А нечего было туза в рукаве прятать. – Макс задумался, видимо вспоминая. – Я ему и вдарил только разок. Легко отделался.

– Не спи, замерзнешь. – Пинок Дениса по стулу заставил меня дернуться и приложиться затылком о стену.

– Мать вашу! Чего ржете? – Я потер затылок. – Блин, морду набить кому-нибудь, что ли? Пойду, найду Степу и...

– Хватай стакан. – Гамлет подвинул мне банку с последней шпротиной. – Степа уже полчаса как ушел.

– Чего ты сегодня злой такой? – Макс махнул водки, закусил и продолжил: – На цеховиков тут ни с того ни с сего наехал.

– Это-то понятно. У Скользкого на цеховиков зуб. Помню, ему один их задохлик по почкам надавал. – Ворон повернулся ко мне: – А Степа тебе чем не угодил?

– Не нравится он мне. И вести себя...

– Задохлик – каратист? – перебил меня Макс.

– Какой каратист? Ты что, про Цех не знаешь? – удивился Ворон.

– Знаю, как не знать. Банда это.

– Не просто банда. Из Цеха еще никто иначе как вперед ногами не выходил... – Гамлет начал вводить Макса в курс дела.

Я прикрыл лицо рукой. Надавал по почкам – это мягко сказано. Две недели отлеживаться пришлось, пока ходить не начал. Зеленый я был тогда и, как сейчас Макс, считал Цех простой бандой. Поцапался с хмырем одним по пустяку, сейчас уже и не помню какому, и не удержался, чтобы не заехать ему в челюсть. Был он метр с кепкой, худющий, но на мне потанцевал, будь здоров. Потом уже объяснили, что такое есть Цех на самом деле. По сути, это пирамида: новичок проходил ритуал посвящения, после чего между ним и остальными членами общества возникала магическая связь. Низшие цеховики постоянно отдавали часть своей жизненной силы тем, кто имел более высокий ранг. Людей привлекало то, что связь не была односторонней: любой, попав в опасную ситуацию, мог телепатически обратиться за помощью к Цеху и стать сильнее, быстрее и выносливее. Наделение силой не происходило мгновенно и зависело от положения в банде, но много времени не занимало.

– Ни фиги себе! А почему они нас не послали? – Макс уставился на Гамлета.

– Смысла связываться не видели. Да и не было бы у них времени на подготовку.

– Сдрейфили они просто. – Ворон хлопнул Гамлета по плечу. – Ты же помнишь, что с тем убогим случилось, который Скользкого с боксерской грушей спутал?

– Что такое с ним случилось? – Гамлет выразительно посмотрел на Ворона, но тот не понял намека:

– Нашли его через месяц с арбалетным болтом аккурат посередине шестерни, на куртке нашитой. Странное совпадение, а?

– Именно совпадение. – Я открыл глаза и уставился на Ворона. Себе это убийство никогда не приписывал. Не тщеславный и пожить еще хочу.

– Да ладно, Лед, чего ты? Совпадение, конечно, о чем базар?

– Замяли. – Убийцу не нашли, и у меня не было желания опять объясняться по этому поводу с Цехом. Официально претензий они не предъявили, а тихо прирезать не решились

– чересчур пристально следила тогда за ними Дружина. Политика. Очень уж откровенно Цех высказывал претензии на место в городском Совете. А все куски пирога уже поделены. Никто его там не ждет и никто его туда не пустит. Слишком он уязвим: да, высосав все силы из шестерок, Цех будет в состоянии выставить восемь-девять десятков сильнейших бойцов с просто нечеловеческой реакцией, но все цеховики известны наперечет, и перебить обессиленных людей той же Дружине не составит никаких проблем. А после потери низового звена – «кормовой базы» – Цех станет обычной бандой.

– Лед! Макс! Пошли шары гонять! – В зал ввалились шатающиеся Стас с Яном, которые поддерживали под руки еле стоящего на ногах Виталика Петрова. Неплохо они в «Весне» посидели. И откуда, интересно, у Яна синяк под глазом взялся?

– Пойдем? – Макс повернулся ко мне.

– Ты иди, я все равно по шару кием не попаду.

Макс вскочил и начал пробираться к бильярдным столам, где уже успела разгореться нешуточная борьба за право вступить в игру.

– Гости ушли – доставай курицу, – скомандовал Гамлет.

– Ты о чем? – не въехал я, зато его прекрасно поняли Ворон, который сгреб стаканы, и Денис, доставший из кармана полушубка чекушку. Я принялся к коричневой жидкости. Знакомая штука – самогон на кедровых шишках. Градусов семьдесят будет. – У Кирилла в закромах покопался? Опять ругаться будет.

– Угу, раскулачил немного, но это мелочи по сравнению с мировой революцией.

Самогон провалился внутрь, как вода. Крепость не чувствовалась, а в животе словно разгорелся небольшой костер, разогнавший тепло по всему телу.

– Хорошо сидим!

– Не то слово.

– Пойдем, Принц, покурим, – закашлялся Ворон, когда самогон был допит, а жареную картошку отскребли от тарелки до последнего кусочка.

– Пошли, а то я от острой никотиновой недостаточности скоро загнусь уже.

– Давайте валите. – Денис ухватился за часы, висящие на цепочке у Ворона, подтянул его к себе и щелкнул крышкой: – А, еще рано.

– Не лапай! – Ворон попытался выдернуть часы у него из рук.

– Убрал бы ты их в карман, а то зацепишься за что-нибудь. – Селин выпустил цепочку из рук.

– Нравится мне так. – Ворон захлопнул крышку часов и пошел в курилку.

– Ты не травмишься? – повернулся Денис ко мне.

Я помотал головой.

– Ну и ништяк. Слушай, ты завтра-послезавтра сильно занят?

– Да не так чтобы очень. В пару мест заскочу и свободен. – Я отлип от спинки стула и посмотрел на собутельника. – А что такое?

– Есть желание подзаработать?

– Всегда. Какая работа и сколько платишь? – Если удастся разжиться золотишком, можно будет и о покупке шутицы задуматься.

– Надо долг забрать. Ты просто постоишь в сторонке, пока я говорить буду. Проблем не должно быть, но мало ли... – Денис склонился ко мне и понизил голос: – Провернул я с корешем одну схему. Денежек срубили неплохо. Но есть у меня подозрение, что человек этот не с теми людьми дружбу завел и деньжатами делиться не собирается.

– Почему своих не подтягиваешь? – Насколько мне было известно, попросить о помощи он мог таких людей, что кидала обделался бы при одном их виде.

– Это моя схема, понимаешь? Я ее придумал, отработал и половину навару в общак отдавать не собираюсь! Про деньги никто не знает и узнать не должен, врубаешься?

– Понятно. Сколько платишь?
– Если все гладко пройдет – червонец. Будут проблемы – еще пара сверху.
– Заметано. – Нормальные условия. Тридцати золотых мне, конечно, на ружье не хватит, но квартплату внести смогу, еще и на пиво останется.
– Тогда я тебя завтра или послезавтра найду. Ты в районе одиннадцати дома будешь?
– Утра или вечера?
– Утра, само собой.
– Договорились, до двенадцати никуда не уйду.
– Ладушки. Пойду опорожнюсь. – Денис неторопливо вылез из-за стола и, покачиваясь, побрел в сторону туалета.

Как же меня плющит! Стоит прикрыть глаза – и словно покачиваешься на волнах или куда-то летишь. Пик: относительная ясность рассудка и свобода выбора. Еще немного выпить – сорвешься вниз, остановиться – потихоньку начнет отпускать. Редкое состояние, водкой себя до него довести очень сложно. Обычно слишком резко пьянеешь: или недобор, или уже ничего не помнишь. С пивом это проще. Литра четыре-пять, главное, не переборщить с закусками.

– Эй, просыпайся! Твое погнало – Лед? – От медитации меня оторвал подошедший к столу широкоплечий парень. Я его раньше здесь не видел, но почему-то решил, что он сидел за два стола от нас в компании пяти или шести человек. Сейчас за тем столиком осталось четверо. И двое из этих коротко стриженных крепеньких ребят слишком внимательно следили за ходом нашего разговора.

– Ну, и?.. – Совпадение, что он решил подвалить, когда за столом больше никого? Стараясь двигаться незаметно, я немного распрямился и принял более устойчивое положение.

– У тебя, говорят, нож блатной появился – дай посмотреть.

– С чего бы? – ухмыльнулся я. Он что, другого повода занозиться не нашел? Чужое оружие даже у знакомого просить – на грубость нарываться. Интересно, какая зараза насчет ножа растрепаться успела? Вроде нигде особо не светил.

– Какие проблемы, я не понял? Или ломы? Я, типа, коллекционер, ножами с детства увлекаюсь. Понравится – хорошую цену дам. – Парень улыбнулся, оскалив желтые зубы, и позвенел кошелем, свисавшим с пояса. – Тебе кто хошь скажет: Коля Медный из-за денег не жметя.

– Не продается, – дал понять я, что разговор окончен. Если не на всю голову отмороженный, уйдет по-хорошему. Кличка его мне ни о чем не говорила, наверняка сам только что придумал. Хотя нет, коротко стриженные волосы рыжеватые. Может, и не брешет. Правда, ему больше подошло бы – Ржавый.

– Тебя спрашивают – продается он или нет? По-хорошему же просил посмотреть! – Парень уперся левой рукой в стол и, перегнувшись через столешницу, ухватил меня за шею. В лицо ударил запах перегара. – Живо нож на стол положил!

Зря он так. Нож интересуется? Лови! Правой ладонью я ударил под локоть упиравшейся в стол руки, левой рванул за ворот рубахи вниз. Лицо «коллекционера» с хрустом врезалось в деревянную столешницу. Шов не выдержал, воротник остался у меня в руке, а парень сполз на пол. Прыжок через стол смел стоящую на нем посуду. Ботинок угодил стоявшему на четвереньках Ржавому под ребра и, отшвырнув в сторону, перевернул на спину. Меня качнуло назад, я спиной врезался в стол, оттолкнулся от него и ударил подхваченной вилкой, метя в висок. Мягкий металл смялся, не причинив особого вреда. Рыжий откатился вбок, но когда попытался встать, ноги подкосились, и он рухнул на колени. Отбросив искореженную вилку в сторону, я схватился за нож. Лезвие уже начало выдвигаться из ножен, когда кто-то сжал мое запястье.

– Хватит!

Выкручивая запястье, я развернулся. Передо мной стоял Крис. Приплыли.

– Выметывайся отсюда! И чтоб я тебя больше здесь не видел. – Крис был очень зол. Он снял очки с непроницаемо черными стеклами и уставился на меня своими синими глазами. Гипнотизирующий взгляд удава действовал на нервы. Я быстро огляделся. Чуть сбоку крутил в руках короткую дубовую дубинку Артур. Помощника Криса, наряженного в черный камзол с серебряным шитьем и кружевами, воспринимать всерьез было непросто, но залитая свинцом дубинка могла быстро и весьма болезненно исправить это в корне неверное впечатление. Наверняка еще кто-то и за спиной у меня стоит.

– Ладно, ладно. Ухожу уже. – Я постарался успокоить дыхание. С Крисом лучше не ссориться, может, через пару недель отойдет. Внезапно раздался мат, и послышались звуки опрокидываемых стульев – приятели рыжего повскакивали со своих мест. Надо им мозги вправить. Я глубоко вздохнул и рявкнул: – Кто там вякает? Ну-ка живо заткнулись!

Как ни странно, послушались. Поставив стулья на место, они усадили Ржавого, из сломанного носа которого хлестала кровь, за стол и стали тихо о чем-то совещаться. Не рискнут они дернуться. Не только из-за вернувшихся Ворона, Гамлета и Дениса, но и из-за побросавших кии и выстроившихся перед бильярдным столом пьяных патрульных. Стоявший ближе всех Макс даже слегка приподнял тяжелый деревянный табурет. В Патруле один за всех и далее по тексту. Дернуты – затопчут. Даже накачанные вышибалы «Берлоги» помочь не успеют.

– Все разборки на улице. – Крис посмотрел на Дениса, который начал натягивать полубухок. – А ты куда собрался? К вам претензий нет.

– Мы уж как-нибудь все вместе. – Денис выложил на стол золотую чешуйку. Усмехнулся, когда я выложил еще одну. – Сдачи не надо.

– Черт с вами, – вздохнул Крис, – оставайтесь все. Но учти, Лед: это – последний раз.

– Не, мы пойдем. К Тимуру в баню. Я правильно говорю? – Гамлет дождался наших утвердительных кивков и подошел к Ржавому. – Претензии есть?

– Слушай, Датчанин, какие могут быть претензии? Нет претензий. – Рыжий все еще пытался остановить кровь.

– А у тебя, Лед?

– Нет.

– Вот и замечательно. Одевайтесь и пошли отсюда.

Когда мы поднимались по лестнице, Гамлет придержал меня за рукав и тихонько произнес:

– Запомни, Лед, ты сам сказал, что у тебя претензий нет.

– Да все понятно, маленький, что ли? Повод другой не найду?

...Очнулся я от холода. От струи падавшей на шею ледяной воды все тело закоченело, кости уже ломило. Где это я? Упершись руками в стены, мне удалось подняться и осмотреть помещение, освещаемое тусклым светом электрической лампочки. С крапом онемевшие руки справились с трудом, но в конце концов мне удалось перекрыть холодную воду. Что за дурацкая привычка засыпать в душе? Хорошо хоть опустел бак с горячей водой, и я просто замерз. Если бы перекрыли холодную воду, запросто мог обвариться.

Пошатываясь, я вышел из душевой кабинки и немедленно плюхнулся в деревянную бадью, стоящую посреди небольшой комнатки. Уже порядком остывшая вода на мгновение показалась кипятком. Уфф, кайф! Значит, до бани мы все-таки дошли. Это радует, после выхода из «Берлоги» в памяти зияла черная дыра. Алкоголь продолжал туманить мозги, но уж заведение Тимура ни с каким другим не спутать.

Где вещи? Рука метнулась к шее. Так, серебряный крестик и овальный медальон отводящего пули амулета на шее. Скомканная одежда валялась на тянущейся вдоль всей стены скамье. Едва не поскользнувшись на влажной плитке, я прошлепал к лавке и начал рыться в вещах. Одежда вся, ботинки оба. Замечательно. Денег нет. Вполне объяснимо: чешуйку в «Берлоге» оставил, здесь тоже заплатить надо было. Пара метательных ножей на месте, а тесака

нет. Я бросил на пол пояс с пустыми ножнами и задумался. Где нож? Что-то вроде наития привело меня к бадье. Опушенная в воду рука через какое-то время нашарила в мыльной воде клинок. Как ни странно, рукоять не нагрелась, была холодной и сухой. Вода с едва заметной дымкой испарялась с лезвия. Крыша едет, однако! Как только не обрезался?! Тесак отправился в ножны, а я со спокойной душой залез в теплую воду.

Открылась дверь, в нее проскользнул замотанный в простыню Гамлет и подошел к парилке.

– Очухался? – Он взялся за деревянную ручку, но открывать не спешил.

– Угу. – Я опустил голову под воду и сразу вынырнул, – только башка болит и сушняк.

– Болит – это хорошо, болит – это значит, что она еще на месте. Ты вот что скажи: у тебя все гуси с чердака улетели или хоть один еще остался? – Не дожидаясь моего ответа, он сплюнул и продолжил, загибая пальцы: – Цеховиков шуганул, на Зуба наехал, Ржавому нос сломал, с Крисом поцапался. Не слишком много для одного дня?

– Я подумую над этим... – пробормотал я. А что еще мог ответить? Больше так не буду? – ...завтра.

– Подумай. – Гамлет открыл дверь.

– Ржавый кто такой? – успел спросить я, прежде чем он зашел в парилку.

– Охранник на Южном. С ним за столом пара дружинников сидела. Остальных не знаю. – Он закрыл за собой дверь.

Настроение испортилось. Правильные вещи Гамлет говорит, что уж тут поделаешь. И Ян на то же намекал. Все, надо завязывать. Помогу Денису долг вытрясти и на две недели на дно залягу. Я вылез из бадьи, вытерся махровым полотенцем и начал одеваться. Когда на мне уже были джинсы и рубашка, в комнату заглянула светловолосая девушка лет двадцати, одетая в длинный банный халат.

– Ты не передумал? – улыбнулась она. В глазах у меня еще немного плыло, но что она не уродина, я был уверен на все сто. Даже если учесть количество выпитого. Да и перетянутый поясом халат не столько скрывал, сколько подчеркивал весьма интересную фигуру.

– С чего бы? – на мгновение замешкавшись, ответил я. Вот так вляпался! Неужели успел о чем-то договориться? И как выяснить – о чем? Дураком выглядеть и спрашивать в лоб «Ты кто?» желания нет. Развернется и уйдет, а девчонка, в отличие от большинства Тимурова «персонала», симпатичная. Не хотелось бы. Придется Ваньку валять.

– Ну, мало ли. – В зеленых глазах промелькнуло замешательство, а на лбу появилась пара морщинок. Девушка осмотрела меня с ног до головы. – Тогда на выходе через десять минут?

– Без вопросов.

Дверь закрылась, я с облегчением выдохнул и продолжил одеваться. Может, что и выгорит. Скатав плащ и подхватив его под мышку, я вышел в комнату отдыха, протопав в мокрых ботинках по шикарному ковру. За столом, уронив голову на руки, спал Ворон. Срубился. Неудивительно: под столом стояла еще пара пустых бутылок из-под водки. На другом конце стола Денис о чем-то трепался с двумя полуголыми девками. Понятненько, все как у людей: сауна, водка, девочки. Ого, нас еще и на вино раскрутили!

Я подошел к столу и ткнул пальцем в кувшин:

– Вода?

– Да. Далеко собрался?

– До дому. Я должен что-нибудь? – Я выпил, наверное, полкувшина и уселся на кожаный диван. Пара минут есть посидеть.

– Уже рассчитались. На посошок?

– Мне хватит. Слушай, как зовут девчонку, которая только что вышла?

– Ты ж сам с ней договаривался. – Денис обернулся к девкам. – Не знаете?

– Аня. Она у нас недавно появилась. Воображает много, – ответила одна из девиц, отпив из высокого бокала вино.

– Да стерва она просто, – фыркнула вторая.

– Ну все, пойду я. До завтра. – Пожав Денису на прощание руку, я потопал из комнаты в общий зал. Хоть имя узнал. Теперь бы прояснить, о чем договорились. Хотя о чем можно договориться в таком состоянии, более-менее понятно. Все упирается в место и цену. Я кивнул охраннику, сидевшему на выходе, накинул плащ и вышел на крыльцо. Аня появилась через пару минут. Надо же, почти не опоздала.

– Застегнулся бы. Холодно. – Сама она была укутана в шубу с длинным ворсом, голову защищал от холода глубокий капюшон.

– Тепло. Мы, бывает, в патруле в сугробах ночуем, и ничего. – Мне действительно не было холодно. Неудивительно, если учесть, сколько выпито. Мы сошли с крыльца, и я начал прикидывать, в какую сторону лучше идти.

– Не замерзни. Ты где живешь?

– В морге.

– Где?! – Девушка резко остановилась и отступила от меня на шаг.

– В морге у Гадеса, – ответил я и, видя ее переходящее в недоверие удивление, добавил: – Доходный дом. В здании бывшего городского морга. Не слышала разве?

– А-а-а, – протянула она. – Далеко отсюда?

– Сейчас через дворы до Красного срежем, а там рукой подать, – прикинул я. Этой дорогой, возвращаясь домой от Тимура, мне приходилось пользоваться постоянно. Не заблужусь даже на автопилоте. Да и тропинка здесь только одна протоптана.

Мы отошли от бани и пошли по дворам. Этот район располагался почти рядом с центром, но административно относился к западному Форту и был почти не заселен. Длинные двухэтажные дома вырастали из сугробов пустыми шлакоблочными коробками. Тропинка лавировала между ними и наметенными ветром кучами снега, возвышавшимися на высоту человеческого роста.

На морозе в голове постепенно прояснилось, но координация движений восстановилась не полностью. Ноги заплетались, время от времени я хватался за свою спутницу, чтобы не упасть. В одном месте, после поворота в длинный, занесенный снегом проход между домами, где вдвоем на тропинке было не уместиться, я пропустил Аню вперед и, оступившись, провалился по колено в снег. Миг спустя из окна вылетела тень. Блеснул клинок, и длинный нож распорол ткань моего плаща. Лезвие скользнуло по меху и ушло вниз, не задев бедро. Приземлившись, нападавший увяз в глубоком снегу. Это позволило мне накинуть ему на голову полу плаща и несколько раз ткнуть ножом. Что за дела? Ограбление или кто-то счета решил свести?

Дикий крик Ани ударил по ушам и, отражаясь от стен домов, умчался прочь. Времени посмотреть, что у нее случилось, не было. Сзади из дома выскочил кто-то еще. Я резко развернулся, даже не проверив, насколько точные нанес удары. Выпрыгнувший из окна противоположного дома мужчина вылез из сугроба и метнулся ко мне. Перекошенное лицо с оскаленными в гримасе зубами было незнакомым. Худоба и ввалившиеся щеки не позволяли определить возраст незнакомца, но, всяко, ему не больше тридцати лет. Одет он явно не по сезону: поверх черной футболки болталась расстегнутая кожаная куртка, едва прикрывающая удерживающий камуфляжные штаны ремень. Голова не покрыта, длинные волосы стянуты в косицу. С шеи на серебристой цепочке свешивался странный, словно выточенный из льда треугольный амулет. Что-то с ним не то. Неправильно что-то. Что?!

Не успев даже выбраться на утоптанную тропинку, мужик резко рванулся вперед и распластался в длинном прыжке. В вытянутой руке сверкнул нож с длинным узким лезвием. Из-за спешки нога нападавшего проскользнула на снегу, и выпад получился слишком глубоким. Я качнулся вбок и перекинул тесак в другую руку. Среагирует? Не успел! Мне удалось перехва-

тять запястье нападавшего и, потянув его руку с ножом в сторону, крутнуться на месте, пропуская парня перед собой. Не сумев затормозить, налетчик проскочил мимо. Лезвие зажатого в левой руке ножа вошло ему в спину. Он упал и конвульсивно задергался. Не желая рисковать застрявшим меж ребер клинком, я отпустил рукоять.

Серия тихих хлопков заставила меня пригнуться к земле. Один из двух коротких ножей, закрепленных на плаще, мгновенно оказался в руке. Мимо щеки с противным свистом пролетела пуля, и сразу же грудь обдало холодом, словно под одеждой разлилось полстакана ледяной воды. Все, сдох амулет. Теперь защиты от пуль у меня нет.

Не успев даже толком разглядеть застывшего метрах в десяти дальше по проходу стрелка, я метнул нож и упал на тропинку, укрывшись за трупом. Убежище никудышное: проще простого подойти ближе и расстрелять меня в упор. Послышалось три глухих удара пуль в лежащее между мной и стрелком тело. Услышав лязг угодившего в стену дома клинка, я метнул второй нож, перекатился вбок, вскочил на ноги и помчался к стрелку. Это не очень умно, но ничего другого не остается: ни забраться в одно из окон, ни убежать убийца мне не позволит. А лежать и ждать, когда тебя расстреляют, – не лучший в данной ситуации выбор. Так хоть какой-то шанс есть. Тем более что второй раз лязга стали о стену не донеслось.

Скрючившись, молодой длинноволосый парень переложил пистолет в левую руку, но прицелиться уже не успел: пинок по кисти выбил пистолет с глушителем в снег. Остановиться не получилось, я сбил стрелка с ног и впечатал его в стену дома. Удар плечом еще глубже загнал лезвие ему в руку. Взвыв, парень извернулся и выхватил из ножен на поясе широкий прямой кинжал. Оттолкнувшись от стены, мне чудом удалось увернуться от мелькнувшего у живота клинка. Замахнуться второй раз стрелок не смог – тяжелая подошва моего ботинка врезалась ему в шею. Ногу ниже колена обожгла острая боль, но я продолжал давить, чувствуя, как с хрустом сминаются хрящи. Парень затих, рука с кинжалом бессильно упала на снег, запрокинутое лицо невидяще уставилось в небо. Готов.

Царапина под коленом оказалась ерундовой и не стоящей даже перевязки. Кто это такие? Стрелок был одет так же легко, как и первые два нападавших. Будь на нем хоть полушубок, бросок ножа оказался бы бесполезен. Я всмотрелся в лицо мертвеца и удивленно выругался. Нет, лицо не было знакомым. Все дело в глазах. Широко раскрытые глаза были полностью синими, зрачок и роговица по цвету никак не разделялись. Нарк? Это объясняло легкую одежду и давало мотив для нападения – на очередную дозу не хватало. Но какой дурью надо обдолбаться, чтобы дойти до такого состояния?

Далекий шум заставил меня насторожиться и, замерев, вслушаться в тишину ночи. Нет, не показалось. Крики раздалась уже гораздо ближе. Сюда или не сюда? Пронзивший воздух резкий вибрирующий звук поставил все на свои места. Надо рвать когти – это свисток дружинников. Если застукают рядом с тремя жмуриками, мало не покажется. Неужели услышали визг Ани? А где, кстати, она сама? С трудом вырвав из раны свой нож, я выпрямился и быстро осмотрел снег вокруг тела. Ну что за гадство! Второго ножа нигде не было видно. Времени искать его не оставалось – крики звучали все ближе. Бежали, похоже, прямо сюда. Надеюсь, нож ушел под снег, и дружинники его не найдут.

Я подбежал к лежащей на тропинке девушке и сдернул меховой капюшон. Понятно, моя помощь уже не требуется – посреди лба зияло небольшое пулевое отверстие. Не повезло. Рядом замер первый грабитель. Один из моих ударов рассек артерию, и снег вокруг был забрызган хлеставшей из разреза кровью. Судя по прижатым к шее рукам, первое время он пытался остановить кровотечение. Правка не требуется.

Теперь очередь мертвеца, из спины которого торчал мой тесак. Клинок выскользнул из тела очень легко. Кровь, дымясь, стекла с лезвия, полностью очистив зеленоватый узор. Даже о снег чистить нет необходимости. Исключительный нож. Я перевернул труп на спину и оттянул веко. Так и есть, весь глаз синий. Точно, наркоманы. Взгляд зацепился за странный амулет.

От рывка цепочка разлетелась на отдельные звенья, но в руке осталась вытянутая пирамидка. Странный камень. Потом посмотрю, что такое.

Ничего своего не оставил? Вроде нет. Разбежавшись, я подпрыгнул, перевалился через подоконник и упал внутрь дома. В проходе замелькали огни факелов. Быстрее пробежать дом насквозь, пока меня никто не заметил. Здесь как дела? С этой стороны дружинников не было. Ух! Сугроб смягчил падение после прыжка вниз. На всякий случай я пробежал еще несколько дворов и лишь потом вывернул на дорогу.

Домой удалось добраться, никого не повстречав по пути. Спустившись в подвал, я стянул ботинки, вытряхнул набившийся в них и под джинсы снег и начал рассматривать плащ. Хреново. Помимо одного длинного разреза и трех узких дыр, он был весь забрызган хлынувшей из артерии кровью. Самому избавиться от пятен не получится. Придется на чистку нести. Пусть тогда сразу и зашьют.

Скинув грязную одежду у порога, я отпил из банки воды и осмотрел порез под коленом. Ранка уже затянулась, а вот джинсы придется штопать. Сняв с цепочки амулет, пристально всмотрелся в кусочек кварца и отшвырнул его в заваленный хламом угол комнаты. Камень мертв, в нем не ощущалось даже малейшего остатка магической энергии. Перегорел. Придется новый доставать. Пирамидку я поставил на коробку с тушенкой, нож положил рядом с раскатанным матрасом. Потом залез под одеяло и отрубился еще раньше, чем голова коснулась подушки.

Глава 4

Утро началось с головной боли. Она накатывала волнами и прорывалась в серую хмарь сна. Несколько раз я просыпался, пил холодную воду – благо, с вечера поставил трехлитровую банку рядом с матрасом – и засыпал снова. Скорее даже не засыпал, а забывался в беспокойной полудреме. Сбившаяся все утро ерунда выветривалась из головы, как только открывались глаза. Делать это приходилось частенько, поскольку нащарить рукой трехлитровку вслепую никак не получалось. Странно, вроде старался ставить на одно и то же место.

Плохо-то как! В голову словно запустили сотню маленьких ежей, которые при любом движении начинали носиться внутри черепа. С животом дела обстояли ничуть не лучше – к горлу постоянно подкатывал комок тошноты. Окончательно проснувшись, я сел и отпил воды, чтобы смыть остатки мерзкого привкуса во рту. Помогло мало, наоборот, вода с похмелья казалась сладковатой на вкус. Живот скрутило. Нет, надо с алкоголем завязывать.

Пошатываясь, я поднялся, вышел из комнаты и в одних трусах поплелся к умывальнику. Стены коридора плавно покачивались, а в голове мягко шелестело чье-то неразборчивое бормотание. Причем стоило сосредоточиться, и оно моментально пропадало. Что за дела? До белочки вчера не мог допить, чего крыша-то едет?

От ледяной воды из-под крана заломило зубы. Я сунул два пальца в рот, и меня вырвало неперевавленными остатками вчерашней картошки и желудочным соком. Немного отпустило. Надолго ли? Умывшись, я отправился обратно. Теперь бы еще поспать, глядишь, и жизнь наладится.

– Праздник удался? – поинтересовался вышедший из своей комнаты мой сосед Василий Чусов. Он неплохо зарабатывал на торговле дровами, не пил, картами не увлекался и считал меня вконец пропащим человеком. Правда, после пары намеков свои соображения он больше вслух не высказывал.

– Не то слово. – Я не стал отрывать взгляд от пола, чтобы не вызвать новую вспышку головной боли. – Слушай, Василий, времени сколько?

– Начало второго. – В голосе Чусова чувствовались легкие нотки превосходства и презрительной снисходительности, что, собственно, вполне объяснимо: это я стоял перед ним в одних трусах с трехдневной щетиной на щеках и полуживой с похмелья, а не наоборот.

– Спасибо, – прохрипел я и едва не подпрыгнул, когда кто-то за спиной на одном дыхании прошептал длинную непонятную фразу. Развернулся – никого.

– До галюнов допил? – Теперь усмешка стала неприкрытой.

– Ничего понять не могу: голоса разные бормочут что-то, а прислушаешься – тишина. – Меня зазнобило. Черт-те что с утра творится.

– Это Гадес мощность щита наполовину поднял. Вчера еще предупредил, что особо чувствительные могут отголоски заклинания уловить. – Вид, наверное, у меня был очень забавный, если Вася снизошел до объяснений. – Обещал к вечеру экранирование наладить.

– А-а-а, тогда понятно. Восприятие у меня, значит, повышенное. – Мысленно послав чистолюбя Чусова куда подальше, я вернулся в комнату и закутался в одеяло. Ничего себе уловить! Такое впечатление, что эти самые отголоски мне просто-напросто в голову долбят. С чего бы это Гадесу щит усиливать? Очередной эксперимент ставит или что-то серьезное в Форте намечается? Стоит спросить.

Я расслабился и постарался заснуть, все равно Денис сегодня уже не придет. Сам, небось, еще отлеживается. Оно и к лучшему, выбивальщик долгов из меня сейчас никакой. Заснуть не получилось. Было страшно. С похмелья вообще жить страшно, а сегодня груз проблем и переживаний навалился особенно тяжело. И воспоминания о том, как вчера чудил, не были основной причиной для беспокойства. Ну, нажрался. Ну, вел себя как полный идиот. Ну, раз-

ругался, с кем только мог. Но – первый раз, что ли? Больше угнетало то, что меня опять хотели убить. Конечно, наркам могли просто требоваться деньги на очередную дозу, и они бросились на первого встречного, дело житейское, в конце концов. Но как насчет пистолета с глушителем? Обычные наркоманы такую игрушку давно бы продали, даже ломки дожидаться не стали. Ножей вполне достаточно, и с Дружиной проблем никаких. А вот если им этот пистолет дали для выполнения заказа, то было понятно их стремление решить дело ножами: патроны стоят серьезных денег, которые вполне можно потратить на наркоту. Получившаяся картинка вогнала меня в глубокую депрессию. Кто-то хочет меня убить. Не просто пассивно желает, чтоб я сломал себе шею. Нет, он предпринимает конкретные меры для организации моего скорейшего отхода в мир иной. Сначала Лысый, в этом сомнений уже не было, теперь эти отморозки. Кто следующий? Кстати, а может, Дрон не при делах? Лысый в чем-то прокололся, и командир отряда просто решил докопаться до сути? Непонятно.

Убедить себя, что все это просто паранойя, не получилось. Слишком много совпадений. Первым делом надо выяснить, кто нагрел Лысого в карты. Когда узнаю, ситуация прояснится. Потому как есть два варианта: или покойный отработывал проигрыш, или работал на того, кто дал денег вернуть карточный долг. Надо найти Смирнова и узнать.

Все! Хватит лежать, пора делом заняться. Одевшись, я начал прилаживать поверх свитера нагрудник. Давненько не надевал. Хорошо – не продал, как чуял, что еще пригодится. Стальные пластины прикрывали только грудную клетку, живот и плечи защищали кольчужные вставки. Я кое-как затянул кожаные ремни и попробовал присесть и наклониться. Ух! Не мог же я так поправиться! Обжало всего, ремнями перетянуло. Ничего, дышать можно, к остальному привыкну – деваться-то некуда.

Другая проблема – плащ не надеть, весь кровийшей залит. Придется фуфайку доставать – в куртке холодно. На джинсах пятен крови нет, ботинки тоже чистые. Поверх фуфайки я затянул пояс, прицепил ножны с тесаком и задумался. Можно, конечно, топор прихватить, но как с ним по всему Форту таскаться? Да и не поможет он, если что. Поколебавшись, я подошел к тайнику, вытащил кирпич и достал пистолет Лысого и перетянутую резинкой пачку банкнот. «Макаров» сунул в правый карман фуфайки, деньги в левый. Пистолет оттянул карман, но в глаза это особо не бросалось. Ничего, сойдет. Главное не падать, патрон-то в стволе – еще пальнет.

Я закинул мешок с бельем на плечо, свернутый плащ подхватил под мышку и вышел на улицу. Небо затянули свинцовые облака, падали редкие снежинки. Тусклое пятно солнца едва проглядывало сквозь туманную пелену. Столб дыма, валивший из трубы котельной, ввинчивался в небо и казался то ли причиной низкой облачности, то ли Атлантом, держащим на своих плечах тяжелые тучи. Я стал на крыльце и глубоко вдохнул морозный воздух. От уличной прохлады немного прояснилась голова. Замечательно. Погода исключительная, только сыровато. Но это ничего, постоим, свежим воздухом подышим – заодно и осмотримся.

В окрестностях морга ничего подозрительного не наблюдалось, я сбежал вниз по ступенькам и направился к торговому углу. Воздух был пропитан дымом, который шел из труб буржеек и печей и из-за безветрия опускался к земле. Центральное отопление сохранилось только в окрестностях ТЭЦ, а в других районах сильная задымленность давно уже стала проблемой. Люди на улицах не попадались, только на перекрестке несколько мужиков разгружали забитые картонными коробками сани. Не доходя до них, я свернул в узкий проулок, вскоре закончившийся тупиком. Небольшой пятачок, со всех сторон окруженный смыкающимися домами, мрачным колодцем уходил вверх. Окон на разрисованных граффити стенах не было, в наличии имелась только одна дверь. Вывески нет, но протоптанная в снегу тропинка ясно показывала, что необходимость в ней отсутствует. Обшитый деревом лист железа, удерживающийся на месте тугой пружиной, поддался с трудом. Чтобы удержать дверь открытой, пришлось поудобней перехватить плащ и перекинуть мешок в левую руку.

Под потолком несколько раз звякнул колокольчик. Я миновал короткий коридор и оказался в просторной светлой комнате. Выходящее на противоположную от проспекта сторону окно было разделено деревянными рейками на квадраты и занимало почти всю стену. В углу стояла кадка с пальмой, на широком подоконнике – горшки с фиалками. На стене рядом с дверью мерно тикали ходики с кукушкой. Половик, сшитый из разноцветных лоскутов, печка, внутри которой гудел огонь, потертые обои и заваленный старыми журналами столик создавали неповторимое впечатление уюта и покоя.

Хозяйка прачечной – полноватая женщина сорока с небольшим лет – стояла перед окном и рассматривала намороженные на стекле узоры. Каштановые волосы, как обычно, были затянуты в узел на затылке, плечи укрыты пуховой шалью. Из-под длинного, доходившего до пола домашнего халата выглядывали меховые тапочки. Непременного для подобных заведений охранника не было. Учитывая должность мужа хозяйки – а был он заместителем директора Гильдии по проектированию защитных заклинаний, – считать прачечную беззащитной было бы большой и, скорее всего, фатальной ошибкой.

– Здравствуйте, Алла Семеновна. – Я расшнуровал ботинки и поставил их на коврик у входа в комнату.

– Здравствуйте, молодой человек. Давненько вас видно не было. – Алла Семеновна подошла к журнальному столику, вытащила с нижней полки толстую тетрадь и шариковую ручку. – С чем пожаловал?

– Как обычно. Только с плащом проблемка небольшая. – Я поставил мешок рядом со столом и развернул плащ. – Его бы почистить, да и зашить не помешает.

Хозяйка сделала запись в тетради, отложила ручку и приняла у меня плащ, повернув его к свету.

– Оригинально. Что это было? – Алла Семеновна положила плащ на гладильную доску и разгладила разрезы. Плащ так заинтересовал ее, что она даже забыла добавить свое неизменное «молодой человек». Не то чтобы она ко всем так обращалась, но я не любил, когда меня называли по имени, а прозвища Лед или Скользящий ее не устраивали. – Только не говори, что кровь носом пошла, а плащ об кусты порвал. Ну-ка сознавайся, кого зарезал?

– Да что вы, Алла Семеновна. Кого я в собственном плаще зарезать мог?

– Что тогда случилось?

– Пьяный был, не помню, – соврал я. Даже не совсем соврал, так, наполовину. Пьяный-то был на самом деле.

– О! То-то я смотрю, ты бледный такой. Скидывай тулупчик, сейчас отпаивать тебя будем. – Хозяйка подхватила со столика колокольчик и несколько раз звякнула. Обычно мелодичный звук сегодня ударил по нервам не хуже скрипа железа по стеклу. Моментально появившаяся девушка подхватила мой мешок и плащ. – Алена, мы чай пить будем.

– Да мне пора уже. Дел невпроворот, – попытался я отвертеться от чаепития. Нет, расспросов больше не будет, просто еще надо успеть поймать Смирнова, пока он из арсенала домой не ушел.

– Никуда ты не пойдешь. Сейчас чай принесут. И не спорьте со мной, молодой человек, а то сам свои носки стирать будешь!

– Уговорили, – вздохнул я, с трудом стянул фуфайку и повесил ее на вешалку, не забыв перед этим достать из кармана деньги.

– Ого! Да ты никак на войну собрался, – подколола меня вернувшаяся с подносом девушка и начала выставлять на стол чашки, чайник и сахарницу.

– Цыц, бесстыжая, – скорее шутя, чем всерьез, прикрикнула на помощницу Алла Семеновна, но, судя по ее прищуренным глазам, она была ничуть не меньше девушки заинтересована причиной, заставившей меня нацепить нагрудник.

– Решил спортом заняться. Спортивная ходьба с отягощением. – Наливая чай, мне с трудом удалось держать руку прямо и не стучать носиком чайника о край кружки. – Сколько с меня, кстати?

– Рубль золотом за белье. – Улыбнувшись нелепости моего ответа, Алла Семеновна заглянула в тетрадь и задумалась. – Еще рубль за работу с плащом. Если хочешь, чтобы был как новенький, тогда за все про все два с полтиной.

– Я за красотой не гонюсь. Ассигнациями возьмете? – Не добавляя сахара, я осторожно отхлебнул из чашки. Неплохо. Честно говоря, травы подобраны лучше, чем в Ключах.

– Какие такие ассигнации? – приподняла брови в притворном удивлении хозяйка.

– Российский рубль – единственное законное платежное средство на территории Российской Федерации. – Простое жалованье выдали рублями, и мне не терпелось от них избавиться. Принимали их не все, да и слишком уж курс нестабильный. Золоту и серебру доверяют больше.

– Это на территории Российской Федерации. – Алла Семеновна щипцами подцепила из сахарницы кусочек рафинада, опустила в чашку и ложечкой начала размешивать чай. – Хотя, если законное... Сам рисовал, небось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.